

ДЖУЛИЯ КУИН

НЕВЕСТА
ГЕРЦОГА

Джулия Куин

Невеста герцога

«АСТ»

2008

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Coe)

Куин Д.

Невеста герцога / Д. Куин — «АСТ», 2008

ISBN 978-5-457-18599-9

Амелию Уиллоуби и Томаса Кавендиша, наследника герцога Уиндема, обручили с колыбели, но... оказалось, что женихом Амелии не обязательно будет Томас Кавендиш. Им может стать любой, кто унаследует титул герцога Уиндема. И теперь, когда в Англии появился давно исчезнувший кузен Томаса, имеющий куда больше законных прав на герцогский герб, Кавендиш должен уступить ему невесту вместе с титулом! Такого оскорбления не снесет ни один джентльмен. И уж конечно, Томас не отдаст Амелию кузену!

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Coe)

ISBN 978-5-457-18599-9

© Куин Д., 2008
© АСТ, 2008

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	37
Глава 6	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Джулия Куин

Невеста герцога

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Rowland & Axelrod Agency и Andrew Nurnberg.

© Julie Cotler Pottinger, 2008

© Перевод. Л. В. Сазонова, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2012

Глава 1

Просто преступление, что Амелия Уиллоуби еще не замужем.

Так, во всяком случае, говорила ее мать. Амелия – точнее, леди Амелия – была второй дочерью графа Кроуланда, так что никто не мог упрекнуть ее в недостаточно благородном происхождении. Ее внешность была более чем приемлемой, по крайней мере для тех, кто предпочитал цветущую английскую розу, как это делало, к счастью для Амелии, большинство представителей высшего света.

У нее были светлые волосы, не белокурые, но и не русые, глаза коричневато-зеленого оттенка, чистая белая кожа, если, конечно, она не забывала предохраняться от солнца. Дело в том, что леди Амелия была не в ладах с веснушками.

Кроме того, как неизменно отмечала ее мать, перечисляя достоинства дочери, она была неглупа, играла на фортепиано, рисовала акварелью и обладала – тут ее мать делала паузу, прежде чем закончить торжествующим тоном, – полным комплектом зубов.

Более того, вышеупомянутые зубы были идеально ровными, чего нельзя было сказать о Джасинде Леннокс, которая сделала удачную партию в 1818-м, ловко окрутив маркиза Бересфорда. Но не раньше, как не уставала повторять мать Джасинды Леннокс, чем отвергла двух виконтов и одного графа.

Но многочисленные достоинства Амелии Уиллоуби блекли рядом с тем, что считалось самым главным достижением в ее жизни – давней помолвкой с герцогом Уиндемом.

Не будь Амелия обручена в колыбели с Томасом Кавендишем, который являлся наследником герцога, хотя и сам в то время едва вышел из младенческого возраста, она теперь определенно не пребывала бы в двадцать один год в незавидном положении незамужней девицы.

Один светский сезон она провела в Линкольншире, ибо никто и подумать не мог, что ей нужно утруждать себя поездкой в Лондон, а следующий – в столице вместе с сестрой, поскольку жених ее старшей сестры, также обрученной в колыбели, имел несчастье подхватить лихорадку в двенадцатилетнем возрасте, оставив семейство без наследника, а Элизабет Уиллоуби – без нареченного.

На третий сезон – хотя Элизабет была практически обручена, ожидая с минуты на минуту предложения руки и сердца, а Амелия, как и прежде, помолвлена с герцогом – они тем не менее отправились в Лондон, поскольку оставаться в поместье было бы неловко.

Амелии нравилось в Лондоне. Она наслаждалась общением, обожала танцы, и если бы кто-нибудь поговорил с ее матерью больше пяти минут, он узнал бы, что будь Амелия свободна, то получила бы по меньшей мере дюжину предложений.

Это подразумевало, что Джасинда Леннокс была бы по-прежнему Джасиндой Леннокс, а не маркизой Бересфорд. И еще более важно, что леди Кроулэнд и ее дочери по-прежнему имели бы все основания смотреть свысока на нахальную выскочку.

Но, как часто говорил отец Амелии, жизнь не всегда справедлива. Собственно, она редко бывает таковой. Достаточно посмотреть на него самого, отца пяти дочерей. Пяти! И теперь графство, переходившее от отца к сыну на протяжении поколений, должно вернуться во владение короны, так как среди родственников нет даже завалящего кузена, который мог бы предъявить на него права.

И поэтому он любил напоминать своей жене, что благодаря его своевременным заботам одна из их пяти дочерей уже пристроена и им нужно беспокоиться только об оставшихся четырех. Так что было бы неплохо, говорил он, если бы жена перестала выражать недовольство герцогом Уиндемом и его неспешным продвижением к алтарю.

Более всего на свете лорд Кроулэнд дорожил тишиной и покоем – обстоятельство, о котором ему следовало задуматься, прежде чем делать предложение Антее Грантем, как звали его жену в девичестве.

Не то чтобы кто-нибудь допускал мысль, будто герцог откажется от обещания, данного Амелии и ее семье. Напротив, всем было хорошо известно, что герцог Уиндем – человек слова и если сказано, что он женится на Амелии Уиллоуби, то, Бог свидетель, так и будет.

Просто он собирался исполнить свой долг, когда это будет удобно ему, что могло не совпадать с точкой зрения его невесты, или, точнее, ее матери.

Вот почему Амелия до сих пор пребывала в родительском доме в Линкольншире и по-прежнему именовалась леди Амелией Уиллоуби.

– Меня это вполне устраивает, – заявила она, когда Грейс Эверсли подняла эту тему на балу в Линкольнширском зале для танцев и ассамблей. Помимо того что Грейс была лучшей подругой сестры Амелии Элизабет, она являлась компаньонкой вдовствующей герцогини Уиндем, общаясь с будущим мужем Амелии теснее, чем когда-либо доводилось самой Амелии.

– О, – поспешно заверила ее Грейс, – я вовсе не хотела сказать, что это не так.

– Она всего лишь сказала, – вмешалась Элизабет, бросив на Амелию странный взгляд, – что его светлость намерен оставаться в Белгрейве по меньшей мере полгода. На что ты сказала...

– Я знаю, что я сказала, – отрезала Амелия, вспыхнув.

Это было не совсем правдой. Она не могла бы повторить свою тираду дословно, но у нее было подозрение, что если бы она попыталась, получилось бы что-то вроде: «Все это, конечно, очень мило, но я не стала бы делать из этого далеко идущие выводы. В любом случае в следующем месяце состоится свадьба Элизабет, так что я даже не мечтаю, что в ближайшее время и у меня произойдет что-нибудь серьезное. И потом, что ни говорили бы, я не рвусь замуж за герцога. В конце концов, я его едва знаю. Я все еще Амелия Уиллоуби. И меня это вполне устраивает».

Да, это были не те слова, которые хотелось бы повторить даже в уме.

Последовало неловкое молчание, затем Грейс прочистила горло.

– Он сказал, что будет здесь сегодня вечером.

– Вот как? – произнесла Амелия, устремив взгляд на Грейс.

Та кивнула.

– Я видела его за обедом. Точнее, он заглянул туда, но не стал обедать с нами. Думаю, он поссорился со своей бабушкой, – добавила она. – У них это часто бывает.

Уголки губ Амелии напряглись не от возмущения и даже не от раздражения. Пожалуй, это была скорее покорность судьбе, чем что-либо другое.

– Полагаю, вдовствующая герцогиня надоедала ему разговорами обо мне, – заметила она.

Грейс замялась на мгновение, но в конце концов признала:

– Вообще-то да.

Чего и следовало ожидать. Ни для кого не было секретом, что вдовствующая герцогиня ждет этой свадьбы даже с большим нетерпением, чем мать Амелии. Все также знали, что герцог не выносит брюзжания своей бабушки, так что Амелия ничуть не удивилась, что он согласился посетить ассамблею просто для того, чтобы она оставила его в покое.

А поскольку было хорошо известно, что герцог серьезно относится к своим обещаниям, Амелия не сомневалась, что он появится в зале. И это означало, что остаток вечера пойдет по хорошо проторенной дорожке.

При появлении герцога все уставятся вначале на него, потом на нее. Затем он приблизится к ней и после нескольких минут неловкого разговора пригласит танцевать. А когда танец закончится, он поцелует ей руку и удалится.

Надо полагать, он отправится искать знаки внимания женщин совсем другого сорта, из тех, на ком не женятся.

Это была не та тема, над которой Амелии полагалось размышлять. Впрочем, это соображение ее никогда не останавливало. В самом деле, можно ли ожидать верности от мужчины до свадьбы? Они с сестрой не раз обсуждали этот вопрос и каждый раз получали один и тот же удручающий ответ.

Особенно если дело касалось джентльмена, обрученного в детстве. Несправедливо ожидать, что он откажется от всех развлечений, в которых участвуют его приятели, только потому, что его отец подписал брачный контракт пару десятилетий назад.

Семейству Уиллоуби надо было заставить Уиндема назначить дату свадьбы.

– По тебе не скажешь, что ты в восторге от того, что увидишься с ним, – заметила Элизабет.

Амелия вздохнула.

– Честно говоря, я чувствую себя гораздо лучше, когда его нет.

– О, он не так уж плох, – заверила ее Грейс. – Вообще-то он довольно мил, если узнать его поближе.

– Мил? – повторила Амелия с явным сомнением. Ей приходилось видеть, как он улыбается, но не чаще пары раз за весь разговор.

– Ну, – пошла на попятную Грейс, – возможно, это слишком сильно сказано. Но уверяю тебя, Амелия, из герцога получится прекрасный муж. Он может быть очень забавным, когда пожелает.

Амелия и Элизабет уставились друг на друга с таким недоверчивым видом, что Грейс рассмеялась и добавила:

– Честное слово. Клянусь! У него дьявольское чувство юмора.

Грейс хотела как лучше, но почему-то ее слова не принесли Амелии успокоения. Не то чтобы она ревновала герцога. Определенно она не была влюблена в него. С какой стати? Они редко обменивались более чем парой слов. И все же было довольно неприятно сознавать, что Грейс Эверсли так хорошо знает ее жениха.

К тому же Амелия не могла поделиться этим с сестрой, которой привыкла верить все свои мысли. Элизабет с Грейс были близкими подругами с первой встречи в шестилетнем возрасте. Элизабет сказала бы, что Амелия ведет себя глупо, или одарила бы ее одним из своих ужасных взглядов, которые вместо сочувствующих получались жалостливыми.

В последнее время Амелия постоянно ловила на себе подобные взгляды, стоило кому-нибудь завести разговор о браке. Имей она склонность заключать пари, она бы побилась об заклад, что удостоилась жалостливых взглядов по крайней мере от половины юных дам и от каждой из их матерей.

– Мы должны позаботиться о том, чтобы Амелия и Уиндем этой осенью лучше узнали друг друга, – объявила вдруг Грейс, решительно блеснув глазами.

– Грейс, пожалуйста, только не это, – возразила Амелия, залившись румянцем. Боже, как унижительно быть предметом чьей-то заботы.

– Тебе все равно придется узнать его, – заметила Элизабет.

– Не обязательно, – кисло отозвалась Амелия. – Сколько комнат в замке Белгрейв? Парасотен?

– Семьдесят три, – сообщила Грейс.

– Я смогу блуждать там неделями, не пересекаясь с ним, – заявила Амелия. – Если не годами.

– Не говори глупости, – отрезала ее сестра. – Почему бы тебе не отправиться туда завтра вместе со мной? Под тем предлогом, будто мама попросила меня вернуть книгу вдовствующей герцогине?

Грейс устремила на Элизабет удивленный взгляд.

– Твоя мать одолжила книгу у герцогини?

– Вообще-то да, – ответила Элизабет, добавив с притворной скромностью: – По моей просьбе.

Амелия приподняла брови.

– С каких это пор мама полюбила чтение?

– Не могла же она одолжить фортепиано? – парировала Элизабет.

По мнению Амелии, их мать любила музыку не больше, чем чтение, но вряд ли надо указывать на этот факт. К тому же их разговор резко оборвался, ибо прибыл герцог.

Даже стоя спиной к двери, Амелия точно знала, когда Томас Кавендиш вошел в зал, поскольку, черт побери, эта сцена уже не раз повторялась.

Все замолкли.

Затем – она сосчитала до пяти – все зашептались, а Элизабет ткнула ее локтем в ребра, словно она нуждалась в предостережении.

А теперь – о, она видела все это мысленным взором – толпа, подобно Красному морю, расступилась перед герцогом, который направился к ней, шагая решительно и распрямив плечи. Ближе, еще ближе, и вот...

– Леди Амелия.

Амелия придала своему лицу надлежащее выражение и обернулась.

– Ваша светлость, – сказала она с вежливой улыбкой, которая, как она знала, требовалась от нее.

Он взял ее руку и поцеловал.

– Вы прелестно выглядите сегодня.

Он говорил это каждый раз.

Амелия поблагодарила его, терпеливо ожидая, пока он обменяется любезностями с ее сестрой и обратится к Грейс:

– Вижу, моя бабушка выпустила вас из своих когтей на этот вечер.

– Да, – отозвалась Грейс со счастливым смешком. – Разве это не замечательно?

Он улыбнулся, и Амелия отметила, что это не та дежурная улыбка, которыми он одаривал ее. Это была дружелюбная улыбка.

– Вы святая, мисс Эверсли, – сказал он.

Амелия перевела взгляд с герцога на Грейс и задалась вопросом, что он думает на самом деле. Вряд ли у Грейс есть выбор. Если он действительно считает Грейс святой, ему следовало бы обеспечить ее приданым и найти ей мужа, чтобы ей не приходилось тратить жизнь, прислуживая уже пять лет его бабушке.

– Грейс сказала, будто вы намерены плесневеть в деревне несколько месяцев, – заметила Элизабет.

Амелия готова была стукнуть сестру за более чем прозрачный намек. Ведь если у герцога есть время торчать в деревне, он мог бы найти время, чтобы наконец жениться на ней.

В его глазах мелькнула ирония.

– Совершенно верно.

– Я буду занята до ноября, самое меньшее, – выпалила Амелия. Пусть он не думает, что она проводит дни, сидя у окна с вышиванием в руках в ожидании его прибытия.

– Неужели? – осведомился он.

Она распрямила плечи.

– Да.

Его голубые глаза слегка прищурились. Но не гневно, а весело, что, пожалуй, было даже хуже. Он смеялся над ней. Странно, что ей понадобилось так много времени, чтобы понять это. Все эти годы она думала, что он всего лишь пренебрегает ею...

Милостивый Боже.

– Леди Амелия, – сказал герцог, удостоив ее едва заметным наклоном головы, – не окажете ли вы мне честь, потанцевав со мной?

Элизабет и Грейс заулыбались, устремив на нее выжидающие взгляды. Они не впервые играли эту сцену все вместе. И все знали, что будет дальше.

Особенно Амелия.

– Нет, – произнесла она, прежде чем успела подумать.

Он удивленно моргнул.

– Нет?

– Нет, спасибо, – уточнила она, приятно улыбнувшись. Ей не хотелось выглядеть невежливой.

Он опешил.

– Вы не хотите танцевать?

– Пожалуй, нет. Не сегодня. – Она бросила взгляд на сестру и Грейс. Они пребывали в ужасе.

Амелия же была в восторге.

Она чувствовала себя самой собой, чего никогда не позволяла себе в его присутствии, а также перед его прибытием и после его ухода.

Все всегда крутилось вокруг него: Уиндем то, Уиндем это, – и как удачно, что она помолвлена с самым красивым герцогом в стране, даже не шевельнув мизинцем.

Однажды Амелия дала волю своему суховатому чувству юмора, заметив, что ей все же пришлось потрясти детской погремушкой, и была вознаграждена парой осуждающих взглядов и одним упреком в неблагодарности. Последний исходил от матери Джасинды Леннокс за три недели до того, как на Джасинду обрушилась лавина брачных предложений.

Поэтому Амелия обычно помалкивала и делала то, что от нее ожидали. Но сейчас...

Сейчас она не в Лондоне, не под надзором своей матери, и ей так надоело, что он держит ее на привязи. В самом деле, если бы не он, она нашла бы себе кого-нибудь другого. Она могла бы развлекаться и целоваться с мужчинами.

О, ладно, поцелуй – это, пожалуй, слишком. Она не идиотка, чтобы рисковать своей репутацией. Но она могла бы фантазировать на эту тему, чего она определенно никогда себе не позволяла.

А затем, поскольку Амелия не имела понятия, когда она снова почувствует себя такой бесшабашной, она улыбнулась своему будущему мужу и сказала:

– Но вы должны танцевать, если вам хочется. Уверена, здесь полно дам, которые будут счастливы составить вам компанию.

– Но я хотел бы потанцевать с вами, – настаивал он.

– Возможно, в другой раз, – отозвалась Амелия, одарив его лучезарной улыбкой. – Пока!

И спокойно двинулась прочь, хотя ей хотелось припустить вприпрыжку, что она и проделала, свернув за угол.

Томас Кавендиш привык считать себя разумным человеком, особенно с тех пор, как его высокое положение в качестве седьмого герцога Уиндема позволяло ему предъявлять к жизни неразумные требования. Он мог безумствовать, одеваться в розовое, объявлять мир треугольным, и высшее общество внимало бы каждому его слову с самым почтительным видом.

Его отец, шестой герцог Уиндем, хотя и не безумствовал, не одевался в розовое и не объявлял мир треугольным, определенно был весьма неразумным человеком. По этой причине Томас гордился своим ровным характером, святостью своего слова и – хотя он предпочитал не афишировать эту сторону своей натуры – своей способностью воспринимать с юмором нелепые ситуации.

А эта ситуация определенно была нелепой.

Но когда новость об уходе леди Амелии из зала распространилась и головы одна за другой стали поворачиваться в его сторону, Томас начал понимать, что линия между юмором и яростью не намного шире, чем лезвие ножа.

И вдвое острее.

Леди Элизабет взирала на него с изрядной долей ужаса, словно он мог превратиться в чудовище и растерзать кого-нибудь в клочки. А Грейс – черт бы побрал эту маленькую нахалку – выглядела так, словно вот-вот разразится смехом.

– Не вздумайте, – предостерег он ее и повернулся к Элизабет. – Мне сходить за ней?

Та уставилась на него с непонимающим видом.

– За вашей сестрой, – пояснил он.

Никакой реакции. Милостивый Боже, чему только учат женщин в наше время?

– Сходить мне за леди Амелией? – произнес он с нажимом. – Моей нареченной невестой. Той самой, которая только что дала мне от ворот поворот.

– Я бы так не сказала, – выдавила наконец Элизабет.

Он устремил на нее более долгий взгляд, чем было удобно – для нее, разумеется, он-то чувствовал себя вполне непринужденно, – затем повернулся к Грейс, которая, как он давно понял, была одной из немногих людей на свете, на чью честность он мог полагаться.

– Мне пойти за ней?

– О да, – сказала она, лукаво поблескивая глазами. – Идите.

Томас слегка приподнял брови, гадая, куда могла направиться строптивая девица. Вряд ли она уехала с вечера. Парадные двери выходили на главную улицу Стэмфорда – не самое подходящее место для одинокой женщины. Позади здания располагался небольшой сад. Томасу никогда не представлялось случая побывать там лично, но он слышал, что немало брачных предложений делалось в его тенистых зарослях. И не всегда добровольно, учитывая состояние одежды тех, кого заставляли врасплох в заднем саду Линкольнширского зала для танцев и ассамблей.

Впрочем, Томас не опасался, что его застанут наедине с леди Амелией Уиллоуби. Ведь он уже прикован к этой девице, не так ли? И вряд ли ему удастся откладывать свадьбу и дальше. Он предупредил ее родителей, что им придется подождать, пока ей не исполнится двадцать один год, и наверняка она вскоре достигнет этого возраста, если уже не достигла.

– Как я понимаю, у меня два выхода, – промолвил Томас. – Сходить за моей очаровательной невестой, притащить ее назад и станцевать с ней, чтобы продемонстрировать почтенной публике, что она у меня на коротком поводке.

В глазах Грейс мелькнуло веселье. Элизабет слегка позеленела.

– Но это будет выглядеть, как будто меня это волнует, – заметил он.

– А разве нет? – поинтересовалась Грейс.

Томас задумался. Конечно, его гордость задета, но в основном выходка Амелии его позабавила.

– Не слишком, – ответил он и, поскольку Элизабет была ее сестрой, добавил: – Прошу прощения.

Та слабо кивнула.

– С другой стороны, – продолжил он, – я могу просто остаться здесь, отказавшись устраивать сцену.

– Вообще-то сцена уже имела место, – возразила Грейс не без иронии.

Томас снисходительно улыбнулся.

– Вам повезло, что вы единственное существо, которое делает мою бабушку выносимой для окружающих.

Грейс повернулась к Элизабет.

– Меня определенно не уволишь.

– Как бы меня к этому ни искушали, – добавил Томас.

Это было неправдой, они оба знали. Если бы понадобилось, Томас упал бы перед ней на колени, чтобы упросить ее остаться на службе у его бабки. К счастью для него, Грейс не выказывала никакого желания уволиться.

Тем не менее он упал бы на колени, утроив при этом ее жалованье. Каждая минута, которую Грейс проводила в обществе его бабушки, избавляла его от этой утомительной обязанности, что было поистине бесценно.

Впрочем, в данный момент это не являлось его насущной заботой. Его бабушка благополучно пребывала в соседней комнате в компании своих закадычных приятельниц, и он рассчитывал, что ему удастся побывать на вечере и удалиться, не обменявшись с ней ни единым словом.

Другое дело его невеста.

– Пожалуй, мне следует дать ей несколько минут, чтобы насладиться своим торжеством, – сказал Томас, приняв решение. Он чувствовал необходимость продемонстрировать свою власть – какие тут могут быть вопросы? – и не испытывал восторга от идеи, что публика вообразит, будто он очарован своей невестой.

Он не из тех, кто склонен очаровываться.

– Очень великодушно с вашей стороны, – отозвалась Грейс с улыбкой, которая не вызвала у него ничего, кроме досады.

Но он ограничился тем, что пожал плечами.

– Я вообще великодушный человек.

Глаза Элизабет расширились, но она ничего не сказала.

Чтобы женщина молчала? Редкое качество. Возможно, ему следовало жениться на этой сестре.

– Значит, вы намерены уйти? – спросила Грейс.

– Пытаетесь избавиться от меня?

– Вовсе нет. Вы знаете, что я всегда в восторге от вашего присутствия.

Прежде чем он успел ответить на ее саркастическую реплику, он заметил голову, выглядывшую из-за портьеры, отделявшей зал от бокового коридора.

Леди Амелия. Не так уж далеко она ушла.

– Я приехал, чтобы танцевать, – заявил он.

– Вы терпеть не можете танцы, – возразила Грейс.

– Ничего подобного. Я терпеть не могу, когда меня заставляют танцевать. Это совсем другое дело.

– Я могу найти свою сестру, – поспешно предложила Элизабет.

– Не говорите глупости. Она явно тоже не выносит, когда ее заставляют танцевать. Грейс составит мне компанию.

– Я? – удивилась Грейс.

Томас сделал знак музыкантам, сидевшим в передней части зала. Они миглом подняли свои инструменты.

– Вы, – ответил он. – Вы же не думаете, что я стал бы танцевать с кем-нибудь другим здесь?

– Вы могли бы пригласить Элизабет, – предложила она, следуя за ним в центр зала.

– Вы, наверное, шутите, – промолвил он. Судя по цвету ее лица, на которое так и не вернулись краски, леди Элизабет Уиллоуби еще не пришла в себя после того, как ее сестра повернулась и вышла из зала, и, вероятно, упала бы в обморок от усилий, связанных с танцами.

К тому же Элизабет не могла служить его целям.

Он бросил взгляд на Амелию. К его удивлению, она не спряталась тут же за шторой.

Он слегка улыбнулся.

И тут – что было весьма приятно видеть – она ахнула, после чего нырнула за портьеру. Но он знал, что добился своего: она будет наблюдать за танцем, за каждой его фигурой.

Глава 2

Амелия понимала, что он пытается сделать. Ей было ясно, что ею манипулируют, и тем не менее черт бы побрал этого типа, вот она здесь, прячется за шторой, глядя, как он танцует с Грейс.

Он был отличным танцором. Амелия знала это не понаслышке. За два ее лондонских сезона они много раз танцевали – кадрили, сельский танец, вальс, – хотя и по обязанности.

Впрочем, иногда – изредка – это доставляло удовольствие. Амелия не была безразлична к мнению окружающих. Как приятно было положить руку на локоть самого завидного холостяка, особенно когда у тебя есть брачный контракт, свидетельствующий, что этот холостяк твой и только твой.

Все в нем было как-то значительнее и лучше, чем в других мужчинах. Он был богат, имел титул. Одного его появления было достаточно, чтобы привести юных светских глупышек в полуобморочное состояние.

И более солидных дам, кстати, тоже.

Амелия не сомневалась, что Томас Кавендиш стал бы самой выгодной партией десятилетия, даже если бы он родился горбатым или с двумя носами. Неженатые герцоги не валялись на дороге, и было известно, что Уиндемы владеют колоссальным состоянием и могут соперничать с большинством европейских княжеств.

Но спина его светлости была прямой, а нос, к счастью, один, имел прекрасную форму и отлично гармонировал с остальными чертами лица. У него были темные густые волосы, интригующие ярко-голубые глаза и, насколько она могла судить, полный рот зубов. Честно говоря, было невозможно назвать его внешность иначе, как красивой.

Но, не будучи очарована его достоинствами, Амелия не была также ослеплена ими. И, несмотря на их помолвку, она считала себя самым объективным судьей герцога. Еще бы, ведь она могла перечислить все его недостатки и порой развлекала себя тем, что записывала их на бумаге.

Это было только справедливо. И, учитывая неприятности, которые ее ожидали, наткнись кто-нибудь на список, он должен был быть аккуратным, насколько это возможно.

Амелия ценила аккуратность во всем. По ее мнению, это была прискорбно недооцененная добродетель.

Но главная проблема с ее женихом – и, как она полагала, с большей частью человечества – заключалась в том, что его было сложно оценить. Как, к примеру, назвать не поддающееся определению ощущение, словно в нем есть... нечто большее, чем в остальных представителях светского общества. В самом деле, не предполагается, чтобы герцоги были так щедро одарены природой. Они должны быть худыми и жилистыми или, наоборот, плотными и коренастыми, с неприятным голосом, поверхностным умом и... Однажды она увидела руки Уиндема. Обычно он был в перчатках, когда они встречались, но как-то раз, она не могла вспомнить почему, он снял их, и Амелию за froze его руки.

Его руки, прости Господи.

Это было чистое безумие, но она застыла на месте, наверное, с разинутым ртом, размышляя о том, что этим рукам приходилось делать множество вещей: чинить забор, держать лопату. Родись он лет на пятьсот раньше, он наверняка стал бы рыцарем, прокладывающим свой путь с мечом в руках в свободное от спасения благородных девиц время.

О да, она создала, что проводит в размышлениях о лучших сторонах своего жениха, возможно, чуть больше времени, чем он о ней. Но даже если и так, она знала о нем явно недостаточно. Титулованный, богатый и красивый – вот и все, пожалуй. Разве не естественно,

что она стремится узнать больше? Но еще ей очень хотелось – хотя она и не могла бы объяснить почему, – чтобы он что-нибудь знал о ней.

Чтобы он интересовался ею, задавал ей вопросы и выслушивал ответы, а не просто кивал, глядя на других гостей.

За все время, пока Амелия вела подобные наблюдения, ее жених задал ей ровно восемь вопросов. Семь из них касались того, нравится ли ей вечер, а восьмой – о погоде.

Конечно, она была не настолько романтична, чтобы ждать от него любви, но она полагала, что мужчина, обладающий хотя бы средним интеллектом, должен стремиться узнать что-нибудь о женщине, на которой собирается жениться.

Но нет, Томаса Адольфуса Хораса Кавендиша, почтенного герцога Уиндема, графа Кестевена, Стоу и Стэмфорда, барона Гренвилла де Стейна – не говоря о прочих титулах, которые, слава Богу, не требовалось помнить наизусть, – казалось, не волновало, что его будущая жена обожает клубнику и терпеть не может персики. Он не знал, что она никогда не поет на публике и что, если уж на то пошло, отлично рисует акварелью.

Он не знал, что она всегда мечтала посетить Амстердам и что ее бесит, когда мать называет ее неглупой.

Он не знал, что она будет отчаянно скучать по своей сестре, когда Элизабет выйдет замуж за графа Ротси, который живет на другом краю страны, в четырех днях езды.

И он не знал, что, если бы он задавал ей хотя бы один вопрос при встрече, интересуясь ее мнением о чем угодно, кроме температуры воздуха, она бы думала о нем значительно лучше.

Впрочем, последнее предполагало, что ему безразлично ее мнение, а это определенно не соответствовало действительности. Собственно, отсутствие у герцога интереса к ее мнению, возможно, было единственной существенной вещью, которую она знала о нем.

Хотя...

Амелия осторожно выглянула из-за красной бархатной портьеры, служившей ей укрытием, уверенная, что он знает о ее присутствии здесь.

Найдя взглядом танцующую пару, она принялась наблюдать за его лицом, за тем, как он смотрел на Грейс, за тем, как он... Святые небеса, неужели он смеется? Она никогда не слышала, как он смеется; собственно, она никогда этого и не видела, даже наблюдая за ним со стороны.

Ее рот приоткрылся от удивления и, возможно, от некоторого испуга. Похоже, она знает еще кое-что важное о своем женихе.

Он влюблен в Грейс Эверсли.

Прелестно.

В Линкольнширском зале для танцев и ассамблей вальс был под запретом. Он все еще считался слишком легкомысленным у почтенных матрон, которые устраивали ежеквартальные приемы. Томас полагал, что напрасно, и не потому, что его привлекала фривольная сторона танца. Он не мог об этом судить, так как ему никогда не представлялось случая вальсировать с кем-нибудь, кого он хотел бы соблазнить. Но вальс давал возможность разговаривать с партнершей, что было проще, чем отрывочные слова и реплики, которыми они с Грейс обменивались, выполняя фигуры сельского танца.

– Пытаетесь заставить ее ревновать? – поинтересовалась Грейс с улыбкой, которую можно было бы принять за кокетливую, не зная он ее так хорошо.

– Не говорите глупости.

Но Грейс уже подхватил под руку местный сквайр, и Томас подавил раздраженный возглас, ожидая, пока она вернется к нему.

– Не говорите глупости, – повторил он.

Грейс склонила голову набок.

– Вы никогда прежде не танцевали со мной.

На этот раз он подождал подходящего момента, чтобы ответить.

– А когда у меня была возможность танцевать с вами?

Грейс отступила на шаг и присела, как требовала фигура танца, но он видел, что она кивнула, признавая его правоту. Он редко посещал местные балы, и хотя Грейс сопровождала его бабушку, когда та приезжала в Лондон, ее редко включали в число приглашенных на светские приемы. Но даже тогда она сидела в стороне с дуэньями и компаньонками.

Они снова сошлись, оказавшись во главе цепочки танцующих. Томас взял ее за руку и повел по проходу между джентльменами и дамами.

– Вы сердитесь, – заметила Грейс.

– Вовсе нет.

– Ваша гордость была задета.

– Всего лишь на мгновение, – признал он.

– А теперь?

Он не ответил. Собственно, ему не пришлось. Они добрались до конца цепочки и заняли места на противоположных сторонах прохода, но когда снова сошлись для короткого хлопка, Грейс сказала:

– Вы не ответили.

Они отступили на шаг, затем сошлись, и он шепнул, нагнувшись:

– Мне нравится играть первую скрипку.

У нее был такой вид, словно это утверждение ее позабавило.

Томас одарил ее ленивой улыбкой и, когда снова появилась возможность разговаривать, поинтересовался:

– Вас это очень удивило?

Он поклонился, она крутанулась вокруг своей оси и сказала, лукаво блеснув глазами:

– Вы меня никогда не удивляете.

Томас рассмеялся и, когда они снова сошлись для той же фигуры, шепнул:

– Я даже не пытаюсь.

В ответ Грейс только закатила глаза.

Она была отличной компанией. Томас сомневался, что его бабушка желала большего, когда искала компаньонку, чем просто живое существо рядом, способное вовремя сказать «да, мадам», «конечно, мадам», но она сделала хороший выбор. К тому же Грейс находилась на попечении графства, осиротев несколько лет назад, когда ее родители умерли от лихорадки. Ее отец был деревенским сквайром, и они с женой пользовались симпатией окружающих. Так что Грейс была знакома с местным обществом и даже дружила со многими его представителями, что создавало дополнительные преимущества в ее нынешней профессии.

По крайней мере так ему казалось, поскольку большую часть времени он старался держаться подальше от знакомых бабушки.

Музыка замолкла, и Томас позволил себе бросить взгляд на красную штору. Либо его невеста удалилась, либо стала чуть более умелой в искусстве прятаться.

– Вам следует быть добрее с ней, – сказала Грейс, когда он провожал ее с танцевальной площадки.

– Это она отказала мне, – напомнил он.

Но Грейс лишь пожала плечами и повторила:

– Вам следует быть добрее с ней. – Затем присела в реверансе и двинулась прочь, оставив Томаса одного, – не слишком приятная перспектива на подобных сборищах.

Он был помолвлен, более того, это был сельский бал, где его нареченную хорошо знали. По идее это должно было означать, что ему не грозят посягательства тех, кто мечтал

бы видеть свою дочь – сестру, племянницу – герцогиней. Но увы, леди Амелия не обеспечивала ему окончательной защиты от других соседей. Как бы ее ни любили – а, насколько ему было известно, она пользовалась всеобщей симпатией, – ни одна уважающая себя мамаша не могла не питать надежды, что с помолвкой что-нибудь не заладится, что герцог окажется свободным и ему понадобится невеста.

Так ему, во всяком случае, говорили. Томас не был восприимчив к подобным слухам, за что не уставал благодарить Создателя.

И хотя среди жителей Линкольншира были такие, кто не имел дочерей, сестер и племянниц, среди них всегда находился кто-то желающий заслужить его благодарность. Это было чертовски утомительно. Томас отдал бы свою руку – ну, возможно, кончик пальца – за один день, когда ему не расскажут ничего такого, что, по их мнению, он желал бы услышать.

Конечно, положение герцога имело немало преимуществ, но честность окружающих не относилась к их числу.

Вот почему, когда Грейс оставила его на краю танцевальной площадки, Томас сразу же направился к двери, к любой двери, если быть точным, не важно к какой. Он просто хотел выйти наружу.

Через полминуты Томас вдыхал бодрящий вечерний воздух, размышляя о том, как провести остаток вечера. После бала он собирался отправиться домой. Собственно, он вообще предвкушал тихий вечер дома перед тем, как бабушка заставила его изменить планы.

Но теперь он подумывал о том, что визит в Стэмфорд более соответствует его настроению. Здесь жила Селеста, его личная вдовушка, – довольно неглупая и весьма осматрительная особа. Их отношения идеально устраивали их обоих. Он делал ей подарки – очаровательные вещицы, служившие дополнением к аккуратному домику и скромному доходу, которые оставил ей муж. А она дарила ему свое общество, не требуя верности.

Помедлив мгновение, чтобы взять свои вещи, Томас вышел наружу. При виде деревьев и небольшого фонтана он нахмурился. Определенно он воспользовался не той дверью, какая вела на улицу. Ах да, сад. Он оглянулся через плечо, неуверенный, что отсюда можно выбраться на улицу, не возвращаясь в бальный зал. Но тут, он мог поклясться, чей-то пронзительный голос произнес его имя и слово «дочь», и он решил попытаться уйти поскорее.

Он обошел фонтан, намереваясь обогнуть здание, но когда проходил мимо розового куста, ему показалось, что он заметил какое-то движение краем глаза.

Томас не собирался смотреть. Видит Бог, он даже не хотел смотреть. Это привело бы только к неловкости. Нет ничего более неловкого, чем застать кого-нибудь в месте, где ему, а чаще ей, не полагалось находиться. Но разумеется, он бросил взгляд в ту сторону.

Он посмотрел и тут же пожалел об этом.

– Ваша светлость.

Это была леди Амелия, находившаяся явно не в том месте, где ей полагалось находиться.

Томас грозно уставился на нее, размышляя о том, как ему себя вести.

– Внутри было душно, – сказала она вставая. Она сидела на каменной скамье, а ее платье... честно говоря, он не мог вспомнить, какого оно цвета, и тем более не мог определить этого при лунном свете. Но казалось, оно сливается с окружающим пространством. Видимо, по этой причине он не заметил ее с самого начала.

Впрочем, все это не имело значения в отличие от того факта, что она находится снаружи, одна, без сопровождения.

И он несет за нее ответственность.

Право, это никуда не годится.

* * *

Ее уход выглядел бы более эффектно, имей Амелия возможность покинуть не только бальный зал, но и само здание. Однако существовала помеха в лице ее сестры Элизабет и другой сестры, а также их матери и отца, хотя она не сомневалась, что отец был бы счастлив последовать за ней, если бы не остальные Уиллоуби, прекрасно проводившие время.

Поэтому Амелия вышла в сад, чтобы подождать, сидя на скамейке, пока ее родные устанут от празднества. Она выбрала укромный уголок, куда никто не заглядывал. Он находился в стороне от входа, и, поскольку вечера устраивались, чтобы показать себя и посмотреть на людей, старая каменная скамья едва ли могла служить этой цели.

Было довольно тепло, и на небе выпали звезды, так что по крайней мере ей было на что смотреть, хотя, учитывая ее слабые познания в созвездиях, этого занятия хватило бы ненадолго.

Впрочем, ей удалось отыскать Большую Медведицу, а затем Малую – воистину тот, кто придумывал названия, обладал абстрактным мышлением – и еще какое-то созвездие, похожее, она могла поклясться, на колокольню.

Не то чтобы она знала такое созвездие, но тем не менее.

Она изменила позу, чтобы лучше разглядеть сверкающую россыпь звезд на севере, напоминавшую, при некотором воображении, ночной горшок довольно причудливой формы, но, прежде чем успела прищурить глаза, послышался звук шагов. Кто-то шел по саду в ее сторону.

Вот досада! Ее уединение нарушено. Она не имела его дома, и, похоже, здесь ей тоже не удастся побыть одной.

Амелия замерла, ожидая, пока нарушитель ее спокойствия уйдет, и тут...

Не может быть.

Конечно, это был он.

Ее благородный жених во всем его великолепии.

Что он здесь делает? Когда она покинула бальный зал, он был вполне доволен, танцуя с Грейс. Даже если танец закончился, разве он не должен проводить свою партнершу к остальной публике и уделить несколько минут ничего не значащему разговору? Еще несколько минут потребовалось бы, чтобы отразить атаку представителей линкольнширского общества, не оставлявших надежды, что их помолвка разладится. Разумеется, никто не желал зла будущей новобрачной, но Амелия не раз слышала, как некоторые дамы обсуждали возможность того, что она влюбится в кого-нибудь другого и сбежит в Гретну.

Как будто кто-то мог бы сбежать незамеченным из ее дома.

Но похоже, его светлости удалось оторваться от своих преследователей с рекордной скоростью, и теперь он крался через сад за домом.

О, ладно, он шел, прямой, высокий и горделивый, как всегда. Тем не менее он явно пытался ускользнуть потихоньку – факт, который Амелия удостоила приподнятой брови. Предполагалось, что у герцога достаточно присутствия духа, чтобы уходить через парадную дверь.

Она была вполне довольна, прокручивая в голове нелестные байки о нем, но он выбрал этот момент – ибо она была самой невезучей девушкой во всем Линкольншире, – чтобы повернуть голову в ее сторону.

– Ваша светлость, – сказала Амелия, не видя смысла притворяться, будто она не знает, что он ее заметил.

Он не ответил на приветствие, что Амелия нашла довольно грубым, но она была не в том положении, чтобы пренебрегать хорошими манерами. Поэтому она встала и, пояснив:

– Внутри так душно, – вышла.

Собственно, так и было. Даже если не это явилось причиной для ее ухода.

Герцог по-прежнему молчал, глядя на нее со своим обычным надменным видом. Трудно было не дрогнуть под этим суровым взглядом, на что, как Амелия полагала, и делался расчет. Она умирала от желания переступить ногами, или сжать кулаки, или стиснуть зубы. Но она отказывалась доставить ему это удовольствие, если он вообще заметил ее терзания, и стояла совершенно неподвижно, с безмятежной улыбкой на лице, позволив себе только склонить набок голову.

– Вы одна, – заявил он.

– Да.

– Снаружи.

Амелия не представляла, как подтвердить это наблюдение, чтобы по крайней мере один из них не выглядел глупо. Поэтому она просто моргнула, ожидая его следующего утверждения.

– Одна.

Она посмотрела налево, затем направо, прежде чем ответить:

– Теперь уже нет.

Его взгляд стал более пронизывающим, если это было возможно.

– Полагаю, – сказал он, – вам известно об опасностях, угрожающих вашей репутации.

На этот раз она стиснула зубы, но только на мгновение.

– Я не ожидала, что кто-нибудь обнаружит меня.

Ответ ему явно не понравился.

– Это не Лондон, – продолжила Амелия. – Разве нельзя посидеть несколько минут в одиночестве, не рискуя своим общественным положением? При условии, конечно, что вы не выдадите меня.

Теперь он сжал челюсти. О Боже, они два сапога пара.

– Тем не менее, – отрывисто произнес он, – подобное поведение неприемлемо для будущей герцогини.

– Вашей будущей герцогини.

– Конечно.

Желудок Амелии исполнил серию престранных прыжков и поворотов, но она затруднялась сказать – от восторга или ужаса. Уиндем пребывал в холодной ярости, и хотя она не боялась его физически – он был слишком джентльмен, чтобы ударить женщину, – при желании он мог превратить ее жизнь в хроническое несчастье.

Сколько она себя помнила, ей всегда внушали, что этот мужчина – или тогда еще мальчик – главный. Ее жизнь вращалась вокруг его персоны, хотела она того или нет.

Он говорил, она слушала.

Он просил, она исполняла.

Он входил в комнату, она сияла от восторга.

И, что самое главное, Амелия делала это с радостью. Она была готова согласиться с каждым его словом.

Беда в том – и это было самым обидным, – что он редко разговаривал с ней. Он почти никогда не обращался к ней с просьбами, да и что такого могло ему потребоваться, чтобы она могла бы предоставить? Она давно перестала улыбаться, когда он входил в комнату, потому что он никогда не смотрел в ее сторону.

Если он и замечал ее существование, то далеко не всегда.

Но сейчас...

Амелия снова безмятежно улыбнулась, глядя на него с таким видом, будто она не понимает, что температура его взгляда упала ниже нулевой отметки.

О, сейчас он ее явно заметил.

И тут выражение его лица непостижимым образом изменилось. Черты смягчились, губы изогнулись. Он смотрел на нее так, словно она была бесценным сокровищем, оброненным у его ног снисходительным божеством.

Этого было достаточно, чтобы молодая дама почувствовала себя крайне неловко.

– Я пренебрегал вами, – сказал он.

Амелия моргнула... трижды.

– Прошу прощения?

Он взял ее руку и поднес к губам.

– Я пренебрегал вами, – повторил он вкрадчивым тоном. – Не слишком хорошо с моей стороны.

Рот Амелии приоткрылся, и хотя ей следовало что-то сделать со своей рукой – забрать у него, что ли, – она стояла как истукан, с разинутым ртом, гадая, почему он...

– Могу я пригласить вас на танец? – промолвил герцог.

Амелия молчала, уставившись на него. Что он затеял?

– Это не такой уж сложный вопрос, – произнес он с улыбкой, слегка притянув ее к себе. – Да... или нет?

У Амелии перехватило дыхание.

– Так да? – Хмыкнув, он положил свободную руку ей на талию и склонился к ее уху, не касаясь его, но достаточно близко, чтобы его дыхание щекотало ее кожу. – «Да» – почти всегда правильный ответ.

Он слегка усилил давление на ее талию и начал медленно кружиться, увлекая ее за собой.

– И всегда, – шепнул он, коснувшись губами ее уха, – когда вы со мной.

Он обольщает ее, осознала Амелия, охваченная смесью возбуждения и смущения. Она не представляла почему. До сих пор он не выказывал ни малейшей склонности к этому, а сейчас делал это целенаправленно. Он пустил в ход весь свой арсенал – по крайней мере ту его часть, которая была позволительна в общественном месте.

И ему это удавалось. Амелия понимала, что им движут совсем не чувства – едва ли она стала неотразимой за сегодняшний вечер, – но ее кожа покрылась мурашками, и когда она перевела дыхание, которое неожиданно задержалось, ее тело, казалось, воспарило. Возможно, она не слишком много знала об отношениях между мужчинами и женщинами, но она точно знала одно...

Он делает из нее дурочку.

Ее мозг работал, мысли были вполне разумны, но откуда он мог знать, что единственное, на что она была способна, – это смотреть на него взглядом влюбленной коровы, словно умоляя притянуть ее ближе.

Ей хотелось прижаться к нему, погрузиться в него.

Произнесла ли она хоть слово, с тех пор как он взял ее за руку?

– Я никогда не замечал, какие у вас прелестные глаза, – мягко произнес он. Амелия могла бы ответить, что, во-первых, он не удосуживался посмотреть, а во-вторых, вряд ли он может различить цвет ее глаз при лунном свете.

Вместо этого она улыбнулась как дурочка и подняла к нему голову, потому что, возможно, он подумывал о том, чтобы поцеловать ее, и, возможно – скорее определенно, – она позволила бы ему.

И он это сделал. Его губы скользнули по ее губам в самом нежном, почтительном и романтическом поцелуе из всех возможных. Именно так она представляла себе первый поцелуй в мечтах. Он был таким упоительным, что Амелия вздохнула и обвила его шею руками.

– Как мило, – хмыкнул он, забавляясь ее нетерпением, и скользнул руками ниже, обхватив ее ягодицы самым скандальным образом.

Амелия пискнула, прижимаясь к нему. Его руки напряглись, дыхание изменилось. Как и его поцелуй.

Глава 3

Поцелуй, конечно, был направлен на то, чтобы укротить ее, но оказался приятным сюрпризом.

Леди Амелия проявила восхитительный пыл, и Томас нашел ее ягодички соблазнительными настолько, что мысленно его руки продвинулись вниз, к внутренней стороне ее бедер, забираясь все выше и выше...

Милостивый Боже, пожалуй, ему следует назначить дату свадьбы с этой малышкой.

Он углубил поцелуй, наслаждаясь ее удивленным возгласом, и притянул ее ближе. Было восхитительно ощущать мягкие изгибы ее тела и упругие мускулы. Он слышал, что она любит ездить верхом.

– Вы очаровательны, – промолвил он, гадая, приходилось ли ей ездить в мужском седле.

Но это было не время – и определенно не место, – чтобы позволять своему воображению заходить так далеко. И поэтому Томас, уверенный, что подавил ее маленький бунт, отстранился, позволив своим пальцам задержаться на ее щеке, прежде чем опустить руку.

Он едва сдержал улыбку, глядя на ее озадаченное лицо, словно она не совсем понимала, что случилось с ней только что.

– Проводить вас в зал? – предложил он.

Она покачала головой и прочистила горло, прежде чем сказать:

– Разве вы не уходите?

– Не могу же я оставить вас здесь?

– Я могу вернуться сама.

Должно быть, на его лице отразилось сомнение, поскольку она добавила:

– Если хотите, можете пронаблюдать, как я войду внутрь.

– Вы не желаете, чтобы нас видели вместе? – поинтересовался он. – Почему? Скоро я стану вашим мужем.

– Правда?

Томас подивился, куда делось озадаченное создание с затуманенными страстью глазами, потому что теперь ее взгляд был ясным и пронизательным.

– Вы сомневаетесь в моем слове? – осведомился он, стараясь, чтобы его голос звучал бесстрастно.

– Отнюдь. – Она отступила на шаг, но это не было попыткой бегства. Скорее это был знак того, что его чары больше на нее не действуют.

– В таком случае что вы хотели сказать?

Она улыбнулась.

– Разумеется, вы станете моим мужем. Мой вопрос относился к слову «скоро».

Он устремил на нее долгий взгляд.

– Мы с вами никогда не разговаривали искренне.

– Пожалуй.

Она оказалась умнее, чем он привык думать. Тем лучше, решил Томас. Порой утомительно, но, в общем и целом, это очевидное достоинство.

– Сколько вам лет? – спросил он.

Ее глаза удивленно расширились.

– Вы не знаете?

Вот черт! Женщинам свойственно придавать возрасту слишком большое значение.

– Нет, – сказал он. – Не знаю.

– Двадцать один. – Она присела в реверансе, явно издеваясь. – Практически старая дева.

– О, ради Бога.

– Моя мать в отчаянии.

Он наградил ее строгим взглядом.

– Дерзкая девчонка.

Она не выглядела оскорбленной, скорее довольной его замечанием.

– Да.

– Придется вас снова поцеловать, – сказал Томас, приподняв бровь с ироничным видом.

Она была не настолько искусенной, чтобы иметь готовый ответ. Это обстоятельство доставило ему удовольствие. Он самодовольно ухмыльнулся, склонившись вперед.

– Когда я целую вас, вы молчите.

Амелия возмущенно ахнула.

– И когда я вас оскорбляю, – продолжил он, размышляя вслух. – Но странно: я не нахожу это таким же захватывающим.

– Вы невыносимы, – прошипела она.

– Наконец-то, – вздохнул он. – Вы заговорили.

– Я уйду, – заявила Амелия. Она повернулась, собираясь вернуться в балльный зал, но Томас оказался достаточно проворным, чтобы взять ее под руку, прежде чем она успела воспротивиться. Со стороны это могло показаться галантным жестом, но его рука не просто легла на ее руку.

Она приковала ее к месту.

– Я провожу вас, – сказал он с улыбкой.

Амелия одарила его непокорным взглядом, но не стала спорить. Томас похлопал по ее руке, предоставив ей самой решать, успокаивающий это жест или снисходительный.

– Пойдем? – промолвил он, и они двинулись в зал, рука об руку.

Вечер близился к концу. Томас отметил, что музыканты отложили свои инструменты и толпа поредела. Его бабушки и Грейс нигде не было видно.

Родители Амелии находились в дальнем углу, беседуя с местным сквайром. Он повел ее к ним, кивая встречным, но не останавливаясь, чтобы побеседовать с ними.

И тут его нареченная заговорила. Вполголоса, так чтобы никто, кроме него, не слышал. Тем не менее ее вопрос поразил его в самое сердце.

– Вас не утомляет, что мир перестает возвращаться, когда вы входите в комнату?

Томас остановился и посмотрел на нее. Ее глаза, оказавшиеся зелеными, были широко распахнуты. Но он не заметил в их глубинах иронии. Она искренне хотела знать и спрашивала не из желания уязвить, а из любопытства.

Не в его правилах было откровенничать, но Томас вдруг ощутил невыносимую усталость, отчасти от себя самого. Поэтому он медленно покачал головой и ответил:

– Каждую минуту каждого Божьего дня.

Через несколько часов Томас добрался до своего дома, до замка Белгрейв. Он устал и пребывал в скверном настроении. Ну если не в скверном, то определенно не в лучшем. Он сердился главным образом на себя. Остаток вечера он провел, размышляя над разговором с леди Амелией, что само по себе вызывало раздражение. Никогда прежде он не тратил на нее столько времени.

Но вместо того чтобы направиться после бала прямо домой, Томас, как и собирался, поехал на другой конец Стэмфорда навестить Селесту. Правда, когда он прибыл туда, он не ощутил особого желания постучать в ее дверь. Он думал только о том, что ему придется разговаривать с ней, поскольку таковы были их отношения. Селеста не была актрисой или

оперной певичкой. Она была уважаемой вдовой, и ему приходилось обращаться с ней соответствующим образом, что предполагало разговор и прочие любезности независимо от того, был ли он в настроении, подходящем для разговоров и для прочих любезностей.

Поэтому он сидел в своей коляске, припаркованной перед ее домом, по меньшей мере минут десять. Наконец, чувствуя себя последним дураком, он отбыл и, проехав через весь город, остановился возле гостиницы, где его никто не знал, заказал pintу пива и выпил ее, признаться, с удовольствием, наслаждаясь одиночеством. Одиночество сопровождалось покоем и сознанием, что к нему никто не подойдет с вопросом, просьбой или, упаси Боже, комплиментом.

Томас растянул свою pintу на целый час, наблюдая за окружающими, затем, сообразив, что уже слишком поздно, отправился домой.

Он зевнул. Его постель была необыкновенно удобной, и он собирался воспользоваться ею с максимальной пользой, возможно, до полудня.

Когда он отпер дверь своим ключом, в доме было тихо. Слуги давно легли спать, как, очевидно, и его бабушка.

Слава Богу.

Томас полагал, что любит ее. Это было чисто теоретическое умозаключение, потому что она определенно ему не нравилась, и никому другому тоже. Наверное, он был обязан ей. В конце концов, она родила сына, который затем женился на женщине, родившей его. Нужно ценить собственное существование, если не что-нибудь другое.

Но, не считая этого, он не мог придумать ни одной причины, чтобы испытывать к ней привязанность. Августа Элизабет Кандида Дебенхем Кавендиш была, мягко выражаясь, не слишком приятной особой.

Он слышал от людей, знавших ее много лет назад, что хотя она никогда не была дружелюбной, она не была и слишком недружелюбной. Но это было задолго до его рождения, до того как двое из ее трех сыновей умерли: старший от той же лихорадки, что унесла ее мужа, а средний погиб при кораблекрушении у побережья Ирландии.

Никто не ожидал, что отец Томаса станет герцогом, имея двух совершенно здоровых старших братьев. Воистину судьба – непостоянная особа.

Томас зевнул, не потрудившись прикрыть рот рукой, и двинулся через холл по направлению к лестнице. И тут, к своему изумлению, он увидел...

– Грейс?

Она издала удивленный возглас и споткнулась о последнюю ступеньку. Он инстинктивно рванулся вперед и поддержал ее, схватив за предплечья.

– Ваша светлость, – произнесла она невероятно усталым тоном.

Томас отступил на шаг, с любопытством глядя на нее. Дома они давно освободились от таких условностей, как титулы. Собственно, Грейс была одной из немногих, кто обращался к нему по имени.

– Какого черта вы еще не легли? – поинтересовался он. – Уже два часа ночи.

– Вообще-то три, – вздохнула она.

Секунду Томас молча смотрел на нее, пытаясь вообразить, что такого могла придумать его бабушка, чтобы ее компаньонка оставалась на ногах в такое время ночи. Он даже боялся думать на эту тему – только дьявол знал, что могло прийти ей в голову.

– Грейс? – мягко произнес он, потому что бедняжка выглядела по-настоящему измученной.

Она озадаченно моргнула.

– Извините, что вы сказали?

– Почему вы разгуливаете по холлу?

– Ваша бабушка неважно себя чувствует, – отозвалась она с удрученной улыбкой. И добавила: – Вы сегодня поздно.

– У меня было дело в Стэмфорде, – сообщил Томас деловитым тоном. Он считал Грейс одним из своих немногих друзей, но она была леди до кончиков ногтей, и он никогда бы не стал говорить в ее присутствии о Селесте.

К тому же он был недоволен собственной нерешительностью. И зачем его понесло в другой конец Стэмфорда – только для того чтобы вернуться назад?

Грейс прочистила горло.

– У нас был... волнующий вечер, – сказала она, добавив с явной неохотой: – На нас напали разбойники.

– Господи! – воскликнул Томас, устремив на нее пристальный взгляд. – С вами все в порядке? И как себя чувствует моя бабушка?

– Мы не пострадали, – заверила его она, – хотя наш кучер заработал огромную шишку на голове. Я взяла на себя смелость дать ему три дня на выздоровление.

– Разумеется, – сказал Томас, браня себя. Он не должен был позволять им путешествовать одним. Ему следовало сообразить, что они будут возвращаться ночью. Интересно, а что с Уиллоуби? Хотя маловероятно, что их карета тоже подверглась нападению. Ведь они живут в противоположной стороне. И все же он чувствовал себя виноватым. – Я должен принести вам свои извинения. Мне следовало настоять на том, чтобы вы взяли с собой больше сопровождающих.

– Глупости, – возразила Грейс. – Это не ваша вина. Кто мог подумать... – Она покачала головой. – Мы не пострадали. Это единственное, что имеет значение.

– Они что-нибудь похитили? – поинтересовался он, потому что это казалось очевидным вопросом.

– Не слишком много, – отозвалась Грейс легким тоном, словно пытаясь преуменьшить случившееся. – У меня вообще ничего. Полагаю, сразу видно, что я небогата.

– Бабушка, наверное, в бешенстве.

– Она немного расстроена, – признала Грейс.

Томас чуть не рассмеялся. Он сознавал, что это неприлично и немилосердно, но всегда обожал недосказанность.

– На ней были ее изумруды, не так ли? – Он покачал головой. – Старая перчатка до смешного привязана к этим камням.

– Вообще-то она сохранила свои изумруды, – ответила Грейс, утомленная настолько, что даже не упрекнула его за то, что он назвал свою бабушку старой перчаткой. – Она спрятала их под подушкой сиденья.

Это произвело на него впечатление.

– Она спрятала драгоценности?

– Спрятала я, – уточнила Грейс. – Она сунула их мне, прежде чем они ворвались в карету.

Томас улыбнулся, восхищаясь ее находчивостью, а затем, после несколько неловкой паузы, заметил:

– Вы так и не сказали, почему до сих пор не легли. Определенно вы заслужили отдых.

Она помедлила, издав неопределенный звук и оставив его гадать, что приводит ее в такое смущение.

– У вашей бабушки возникла странная просьба, – наконец сказала она.

– Все ее просьбы странные, – заметил он.

– Нет, эта... – Она испустила вздох отчаяния. – Вряд ли вы захотите помочь мне принести картину из галереи.

Такого Томас не ожидал.

– Картину? – переспросил он.

Она кивнула.

– Из галереи?

Она снова кивнула.

Он попытался угадать... и сдался.

– Надеюсь, она попросила картину скромных размеров.

У Грейс был такой вид, словно она сдерживает улыбку.

– Натюрморт?

– Нет.

Милостивый Боже, его бабушка наконец-то сошла с ума. Пожалуй, это даже хорошо. Возможно, он сможет отправить ее в приют для умалишенных. Вряд ли кто-нибудь станет возражать.

– Она хочет портрет вашего дяди.

– Моего дяди? Которого?

– Джона.

Томас кивнул. Он мог и не спрашивать. Конечно, он никогда не знал своего дядю. Джон Кавендиш prestавился за год до его рождения. Но замок Белгрейв долго жил под его тенью. Вдовствующая герцогиня всегда больше всего любила своего среднего сына, и все это знали, особенно остальные сыновья.

– Он всегда был ее любимцем, – промолвил он.

Грейс бросила на него вопросительный взгляд.

– Но ведь вы его не знали.

– Нет, конечно, – отозвался он деловитым тоном. – Он умер еще до моего рождения. Но мой отец говорил о нем.

Довольно часто, и никогда с симпатией.

Тем не менее ему придется помочь Грейс снять портрет со стены. Бедняжка одна не справится. Он покачал головой.

– Надеюсь, портрет не в полный рост?

– Боюсь, что да.

Боже. С его бабушкой не соскучишься.

Нет, он не будет этого делать.

Он посмотрел на Грейс в упор.

– Нет, – сказал он. – Сейчас вы ничего не будете делать. Если ей так хочется, чтобы эта чертова картина висела в ее спальне, пусть попросит лакея завтра утром.

– Уверяю вас, мне ничего так не хочется, как лечь спать, но легче сделать то, что она просит.

– Вовсе нет, – заявил Томас. Бог свидетель, его бабушка всех достала. Он повернулся и решительно зашагал вверх по лестнице, собираясь задать ей словесную порку, которую она давно заслужила, но на полпути обнаружил, что он один.

Что это с женщинами Линкольншира сегодня? Вторая бунтует.

– Грейс! – рявкнул он.

А когда она не материализовалась у подножия лестницы, сбегал вниз, окликнув громче:

– Грейс!

– Я здесь, – отозвалась она, выскочив из коридора. – Господи, вы разбудите весь дом.

Он пропустил ее предостережение мимо ушей.

– Не говорите мне, что вы собираетесь притащить картину сама.

– Если я этого не сделаю, она будет звонить мне всю ночь и я не сомкну глаз.

Он сузил глаза.

– Предоставьте это мне.

На ее лице отразилась тревога.

– Что предоставить?

– Перерезать ее шнур для звонка, – сказал он, направившись вверх с еще большей решимостью.

– Перерезать шнур... Томас!

Томас и не подумал остановиться. Грейс кинулась следом за ним, перескакивая через две ступеньки.

– Томас, вы не посмеете, – произнесла она, запыхавшись, почти догнав его.

Он остановился и обернулся, глядя на нее с улыбкой. Право, это становится забавным.

– Это мой дом, – сказал он. – Я могу делать все, что пожелаю.

В несколько шагов преодолев оставшееся расстояние, Томас лишь на секунду помедлил у двери бабушки, которая была распахнута настежь, облегчая вход.

– Что, – отрывисто произнес он, проследовав напрямик к ее постели, – по-вашему, вы делаете?

Но его бабка выглядела... странно.

В ее глазах отсутствовала обычная жесткость, и, по правде говоря, она была недостаточно похожа на ведьму, чтобы соответствовать образу Августы Кавендиш, которую он знал и недолюбливал.

– Святые небеса, – невольно произнес он, – с вами все в порядке?

– Где мисс Эверсли? – спросила она, беспокойно обшаривая глазами комнату.

– Здесь, – отозвалась Грейс, войдя в комнату и поспешив к кровати с другой стороны.

– Ты принесла его? Где портрет? Я хочу видеть моего сына.

– Боюсь, уже поздно, мэм, – попыталась объяснить Грейс, подавшись вперед и бросив пристальный взгляд на вдовствующую герцогиню.

– Вы могли бы поручить лакею, чтобы он доставил его сюда завтра утром, – вмешался Томас, гадая, почему ему кажется, что между женщинами только что установилось какое-то безмолвное взаимопонимание, хотя он был вполне уверен, что его бабушка не поверяет Грейс свои секреты и что та платит ей тем же. Он прочистил горло. – Я не допущу, чтобы мисс Эверсли выполняла такую тяжелую работу и определенно не посреди ночи.

– Мне нужна эта картина, Томас, – сказала вдовствующая герцогиня, но в ее голосе не чувствовалось обычной резкости. Была скорее слабость, что не могло не тревожить. И тут она добавила: – Пожалуйста.

Томас закрыл глаза. Его бабушка никогда не говорила «пожалуйста».

– Завтра, – отозвался он, взяв себя в руки. – Первое, что мы сделаем, если вы пожелаете.

– Но...

– Нет, – перебил он. – Мне жаль, что вы расстроены сегодня, и я непременно сделаю все необходимое – в разумных пределах – для вашего удобства и здоровья, но это не включает капризы и несвоевременные требования. Вы меня поняли?

Губы вдовствующей герцогини сжались, и в глазах мелькнуло ее обычное высокомерие. По какой-то причине это подействовало на Томаса успокаивающе. Не то чтобы он одобрял надменные манеры своей бабки, но мир казался бы более спокойным местом, когда его обитатели вели бы себя так, как от них ожидают окружающие.

Она молчала, сердито глядя на него.

Томас ответил ей твердым взглядом.

– Грейс, – резко произнес он не оборачиваясь, – отправляйтесь спать.

Последовала продолжительная пауза, затем он услышал, как она вышла.

– Ты не имеешь права командовать ею, – прошипела вдовствующая герцогиня.

– Нет, это вы не имеете права.

– Она моя компаньонка.

– Но не рабыня.

Ее руки затряслись.

– Ты не понимаешь, никогда не понимал.

– За что я бесконечно благодарен судьбе, – парировал Томас. Милостивый Боже, в тот день, когда он поймет свою бабушку, он перестанет быть самим собой. Всю свою жизнь он пытался угодить этой женщине, или, если быть точным, первую половину жизни он пытался угодить ей, а вторую половину пытался избегать ее. Она никогда не любила его. Томас достаточно хорошо помнил свое детство, чтобы знать это с уверенностью. Теперь это его не волновало, он давно понял, что она никого не любит.

Но очевидно, так было не всегда. Если судить по неприязненным высказываниям отца Томаса, Августа Кавендиш обожала своего среднего сына. Она всегда сетовала, что не он наследует герцогский титул, а когда наследником неожиданно стал отец Томаса, ясно дала понять, что он является жалкой заменой. Джон был бы лучшим герцогом, а если не он, то Чарлз, который, как старший, был воспитан для этой миссии. Когда он умер, Реджинальд, рожденный третьим, остался один на один с ожесточенной матерью и женой, которую не любил и не уважал.

При всем том, что Реджинальд Кавендиш и его мать явно ненавидели друг друга, на самом деле они были поразительно похожи. Они оба никого не любили и определенно не любили Томаса независимо от того, был он наследником герцогства или нет.

– Жаль, что родственников не выбирают, – буркнул Томас себе под нос.

Леди Августа бросила на него острый взгляд. Она не расслышала слов, но его тон говорил сам за себя.

– Оставь меня, – сказала она.

– Что с тобой сегодня? – спросил он, озадаченный ее поведением. Конечно, ее расстроило нападение разбойников – возможно, ее даже держали под прицелом пистолета, – но Августа Кавендиш никогда не была хрупким цветком. Томас не сомневался, что она выплевывала бы гвозди даже тогда, когда ее положили бы в могилу.

Глаза вдовствующей герцогини мстительно вспыхнули, она приоткрыла рот, собираясь ответить, но передумала. Она выпрямилась, сжав челюсти, и сказала:

– Уходи.

Томас пожал плечами. Если она не желает, чтобы он играл роль заботливого внука, он вправе считать себя свободным от этой обязанности.

– Как я слышал, они не получили твои изумруды.

– Нет, конечно, – бросила она.

Томас позволил себе улыбнуться, зная, что она не видит его лицо.

– Это было не слишком порядочно с твоей стороны, – сказал он, обернувшись у двери. – Всучить их мисс Эверсли.

Она презрительно фыркнула, не удостоив его ответом. Томас не удивился. Августа Кавендиш никогда бы не поставила свою компаньонку выше своих изумрудов.

– Спокойной ночи, бабушка, – сказал он, шагнув в коридор. Затем обернулся и засунул голову в дверной проем, чтобы сделать прощальный выстрел с безопасного расстояния. – А если ты не в состоянии спать, постарайся, чтобы тебя не было слышно. Я бы попросил, чтобы тебя не было видно, но ты утверждаешь, что не колдунья.

– Ты никуда не годный внук, – прошипела она.

Томас пожал плечами, решив оставить за ней последнее слово. У нее был трудный вечер. А он устал.

К тому же на самом деле ему было все равно.

Глава 4

Самое неприятное, решила Амелия, сделав глоток уже остывшего чая, что она могла бы читать книгу, или кататься на своей лошади, или сидеть на берегу ручья, опустив ступни в воду, или играть в шахматы, или наблюдать, как лакеи дома чистят серебро.

Вместо этого она сидит здесь, в одной из двенадцати гостиных замка Белгрейв, глотая холодный чай, гадая, будет ли невежливо, если она съест последнее печенье, и подпрыгивая каждый раз, когда в холле раздаются шаги.

– О святые небеса! Грейс! – воскликнула Элизабет. – Не удивительно, что у тебя такой расстроенный вид!

– Хм? – Амелия выпрямилась. Она явно пропустила что-то интересное, размышляя о том, как избежать общества своего жениха, который, возможно, влюблен в Грейс, что не помешало ему поцеловать ее, Амелию.

Воистину недостойное поведение, причем по отношению к ним обоим.

Амелия посмотрела на Грейс более внимательно, оценивая ее темные волосы и голубые глаза, и осознала, что та совсем недурна. Впрочем, это не явилось для нее открытием, она знала Грейс всю свою жизнь. Прежде чем стать компаньонкой вдовствующей герцогини, та была дочерью местного сквайра.

Собственно, она ею и осталась, просто теперь она была дочерью покойного сквайра, что не предполагало ни средств к существованию, ни защиты. Но раньше, когда родные Грейс были живы, они были частью местного общества, и хотя их родителей не связывали тесные отношения, дети определенно были близки. Пожалуй, они виделись с Грейс каждую неделю, даже дважды в неделю, если считать посещения церкви.

Но, по правде говоря, она никогда не задумывалась о внешности Грейс. Не потому, что ей было все равно или она считала, что та не заслуживает ее внимания, просто... Грейс всегда была рядом как постоянная и неотъемлемая часть ее мира. Ближайшая подруга Элизабет, трагически осиротевшая, которую затем взяла к себе вдовствующая герцогиня.

Амелия поправила себя: «взяла», пожалуй, не совсем верно. На самом деле Грейс усердно работала, чтобы оправдать свое содержание. Возможно, она не выполняла физическую работу, но ее обязанности при герцогине были утомительными.

Это Амелия знала из первых рук.

– Я уже пришла в себя, – сказала Грейс. – Просто немного устала. Боюсь, я не выспалась.

– Что случилось? – спросила Амелия, решив, что нет смысла притворяться, что она слышала, о чем они говорили.

Элизабет взволнованно схватила ее за локоть.

– На Грейс и герцогиню напали разбойники!

– Неужели?

Грейс кивнула.

– Вчера вечером на пути домой с бала.

Как интересно.

– Они что-нибудь похитили? – задала Амелия, казалось бы, естественный вопрос.

– Как ты можешь быть такой бесчувственной! – возмутилась Элизабет. – Они угрожали ей пистолетом. – Она повернулась к Грейс. – Правда?

– Вообще-то да.

Амелия задумалась над этим, не над угрозами, а над тем, что она не испытала ужаса при этом известии. Наверное, она хладнокровная особа.

– Тебе было страшно? – нетерпеливо спросила Элизабет. – Я бы испугалась. Я бы упала в обморок.

– Я бы не упала в обморок, – заявила Амелия.

– Ну конечно, – раздраженно отозвалась Элизабет. – Ты даже не ахнула, когда Грейс рассказала об этом.

– Вообще-то это звучит довольно волнующе, – заметила Амелия, глядя на Грейс с нескрываемым любопытством. – Не так ли?

И тут Грейс – святые небеса – покраснела.

Румянец мог означать множество вещей, и все они были восхитительными. Амелия подалась вперед, изогнув губы в лукавой улыбке. Она ощутила вспышку возбуждения, пьянящее чувство, которое ударяет в голову, когда слышишь что-то особенно интригующее.

– Значит, он был хорош собой?

Элизабет посмотрела на нее так, словно Амелия рехнулась.

– Кто?

– Разбойник, конечно.

Грейс пробормотала что-то неразборчивое и сделала вид, что пьет чай.

– Значит, был, – сказала Амелия, почувствовав себя лучше. Ведь если Уиндем влюблен в Грейс... по крайней мере не пользуется взаимностью.

– Он был в маске, – возразила Грейс.

– Тем не менее ты считаешь его красивым, – настаивала Амелия.

– Нет!

– Значит, у него был ужасно романтичный акцент. Итальянский? – Амелия даже содрогнулась от восторга, вспомнив поэму Байрона, которую недавно читала. – Испанский?

– Ты точно рехнулась, – сказала Элизабет.

– У него не было акцента, – заявила Грейс. – Ну, если небольшой. Шотландский или ирландский. Не могу сказать точно.

Амелия откинулась на спинку стула со счастливым вздохом.

– Разбойник. Как романтично.

– Амелия Уиллоуби! – одернула ее сестра. – На Грейс напали, угрожая пистолетом, и ты называешь это романтичным?

Амелия могла бы ответить остроумной репликой: «Если ты не можешь блеснуть остроумием с собственной сестрой, то с кем сможешь?» – но тут из холла донесся шум.

– Вдовствующая герцогиня? – шепнула Элизабет, скорчив гримасу. Без леди Августы пить чай было гораздо приятнее.

– Не думаю, – отозвалась Грейс. – Она еще не вставала, когда я спустилась вниз. Она была слишком... расстроена.

– Представляю, – вздохнула Элизабет, а затем ахнула. – Надеюсь, ее изумруды не похитили?

Грейс покачала головой.

– Мы их спрятали под подушками сиденья.

– О, как ловко! – одобрительно сказала Элизабет. – Правда, Амелия?

Но Амелия не слушала. Стало ясно, что шум в холле производят более твердые шаги, нежели у леди Августы, и мимо открытых дверей проследовал Уиндем.

Разговор оборвался. Элизабет посмотрела на Грейс, а та на Амелию, взгляд которой был прикован к уже пустому дверному проему. Через мгновение Элизабет перевела дыхание, которое они невольно затаили, и прошептала:

– Мне кажется, он не заметил, что мы здесь.

– Мне все равно, – заявила Амелия, что было не совсем искренне.

– Интересно, куда он пошел? – промолвила Грейс.

Они замерли, как троица идиоток – по мнению Амелии, – и повернули головы к открытой двери. Через несколько секунд раздался ворчливый возглас и следом за ним грохот. Они вскочили на ноги, по-прежнему уставившись на дверной проем.

– Черт побери! – донесся из холла голос герцога.

Глаза Элизабет расширились. Амелии эта вспышка скорее доставила удовольствие. Ей нравилось, что иногда герцог не полностью владеет ситуацией.

– Осторожней, – слышали они.

Мимо двери проплыла большая картина, которую несли два лакея, стараясь держать ее перпендикулярно полу. Это было весьма странное зрелище. Картина представляла собой портрет мужчины, изображенного в полный рост, что объясняло затруднения лакеев. Довольно красивый мужчина, надо сказать, стоял, опираясь одной ногой об обломок скалы, и выглядел очень благородным и гордым.

Хотя судить о его благородстве и гордости было трудно, так как в данный момент он был наклонен на сорок пять градусов и покачивался вверх-вниз, проплывая мимо них.

– Кто это? – спросила Амелия, когда портрет исчез из вида.

– Средний сын леди Августы, – рассеянно отозвалась Грейс. – Он умер двадцать девять лет назад.

Амелия нашла странным, что Грейс точно знает дату его смерти.

– Почему они его переносят?

– Леди Августа хочет, чтобы он висел наверху, – сказала Грейс.

Амелия подумывала о том, чтобы спросить почему, но вряд ли кто-нибудь знал, чем руководствуется вдовствующая герцогиня. К тому же Уиндем выбрал этот момент, чтобы снова проследовать мимо двери.

Они замолкли, наблюдая за ним. И тут, словно время повернуло назад, он попятился на шаг и заглянул в комнату, как всегда безупречный, в белоснежной накрахмаленной рубашке и темно-синем парчовом жилете.

– Дамы, – сказал он.

Девушки поспешно присели.

Герцог кивнул.

– Пардон, – коротко произнес он и исчез.

– Однако, – сказала Элизабет, заполнив повисшее молчание.

Амелия моргнула, пытаясь понять, что она думает обо всем этом. Она не считала себя сведущей в поцелуях и последующем поведении, но наверняка после того, что случилось вчера вечером, она вправе рассчитывать на большее, чем «пардон».

– Пожалуй, нам пора, – сказала Элизабет.

– Еще рано, – возразила Грейс. – Леди Августа хотела поговорить с Амелией.

Амелия застонала.

– Мне очень жаль, – сказала Грейс с искренним сочувствием.

Вдовствующая герцогиня просто расцветала, терзая Амелию. Если это была не ее осанка, то выражение ее лица, а если не выражение лица, то веснушки, выскочившие на ее носу. А если веснушек нет, то они непременно появятся, когда Амелия выйдет на улицу, ибо леди Августа точно знала, что ее шляпка будет надета слишком небрежно, чтобы защитить ее лицо от солнца.

Воистину вещи, которые знала о ней вдовствующая герцогиня, пугали как своей широтой, так и неточностью. «Ты будешь матерью следующего герцога Уиндема! – не уставала повторять леди Августа. – И должна быть безупречна».

Амелия вздохнула, представив себе остальную часть утра.

– Я доем последнее печенье, – объявила она, снова усевшись.

Девушки сочувственно кивнули и тоже заняли свои места.

– Может, попросить принести еще? – предложила Грейс.

Амелия удрученно кивнула.

И тут Уиндем вернулся. Амелия издала недовольный звук, поскольку ей пришлось выпрямиться, а ее рот, конечно же, был набит печеньем, и, конечно же, он даже не смотрел в ее сторону, так что она волновалась напрасно.

Какой бестактный.

– Мы едва не лишились его, когда поднимались по лестнице, – сообщил герцог, обращаясь к Грейс. – Эта чертова штуковина завалилась набок и только чудом не напоролась на перила.

– О Боже, – промолвила Грейс.

– Удар пришелся бы в самое сердце, – заметил он с кривой улыбкой. – Пожалуй, это стоило того, чтобы посмотреть на ее лицо.

Грейс сделала попытку встать.

– Значит, ваша бабушка уже встала?

– Только чтобы присмотреть за водружением картины на стену, – сказал он. – Пока вы в безопасности.

На лице Грейс отразилось облегчение. Вряд ли ее можно было за это упрекнуть.

Уиндем посмотрел на блюдо, где остались только крошки от печенья, и обратился к Грейс:

– Не могу поверить, что у нее хватило ума требовать, чтобы вы принесли его наверх. И что вы, – сухо добавил он, – действительно думали, будто справитесь с этим.

Грейс повернулась к своим гостям и объяснила:

– Леди Августа попросила, чтобы я принесла ей картину вчера поздно вечером.

– Но она огромная! – воскликнула Элизабет.

Амелия промолчала, находясь под впечатлением от деликатности Грейс. Все знали, что вдовствующая герцогиня никогда ничего не просит.

– Моя бабушка всегда любила своего среднего сына больше всех, – мрачно заметил герцог. Затем, словно только что увидел девушку, на которой собирался жениться, повернулся к Амелии и сказал: – Леди Амелия.

– Ваша светлость, – отозвалась она.

Но он уже повернулся к Грейс со словами:

– Вы, конечно, поможете мне, если я отправлю ее в приют?

Глаза Амелии расширились. Это был вопрос, но он мог быть приказом. Что гораздо интереснее.

– Том... – начала Грейс, затем прочистила горло и поправилась: – Ваша светлость, вы должны отнестись к ней с большим терпением сегодня. Она расстроена.

Амелия ощутила кисло-горький вкус во рту. Она не знала, что Грейс называет Уиндема по имени. Конечно, они были дружны. Они жили в одном доме – пусть даже огромном, с целым штатом слуг. Но Грейс обедала с вдовствующей герцогиней, а это означало, что она часто обедает с Уиндемом и за пять лет они разговаривали бесчисленное количество раз.

Все это Амелия знала. Однако ее это никогда не волновало. Ее даже не волновало, что Грейс зовет герцога Томасом, а она сама, его невеста, не называет его так даже в мыслях.

Но как могло получиться, что она этого не знала? Разве она не должна это знать?

И почему ее так раздражает, что она этого не знала?

Она внимательно изучала его профиль. Он разговаривал с Грейс, глядя на нее с выражением, которого она никогда не удостоивалась. В его взгляде светились непринужденность, тепло, взаимопонимание и...

О Боже. Неужели он целовал ее? Целовал Грейс?

Амелия вцепилась в краешек стула для поддержки. Не может быть. Конечно, Грейс не настолько дружна с ней, насколько с Элизабет, но она никогда бы не совершила такого предательства. Она просто не способна на это. Даже если она вообразила бы, будто влюблена в него, даже если она полагала бы, что этот флирт приведет к браку, она не настолько плохо воспитана и вероломна, чтобы...

– Амелия?

Амелия моргнула, пытаясь сфокусировать взгляд на лице сестры.

– Тебе нездоровится?

– Со мной все в порядке, – резко отозвалась Амелия. Меньше всего ей хотелось, чтобы все смотрели на нее, когда она определенно позеленела.

Но от Элизабет было не так-то легко отделаться. Она прижала ладонь ко лбу Амелии.

– Жара нет.

– Конечно, нет, – буркнула Амелия, оттолкнув ее руку. – Просто я устала стоять.

– Мы сидим, – указала Элизабет.

Амелия встала.

– Пожалуй, мне нужно подышать свежим воздухом.

Элизабет тоже поднялась.

– Я думала, ты хочешь посидеть.

– Посижу на воздухе, – процедила Амелия, сожалея, что она переросла детскую привычку шлепать сестру по плечу. – Надеюсь, вы извините меня, – пробормотала она, двинувшись через комнату мимо Уиндема и Грейс.

Он тоже встал, будучи джентльменом, и слегка поклонился, когда она проходила мимо.

И тут – Боже, что может быть унижительней – краем глаза Амелия увидела, как Грейс ткнула его локтем в ребра.

Последовало жуткое молчание, пока он свирепо взирал на Грейс. Амелия уже добралась до двери, благодарная, что не видит его лица, а затем Уиндем со свойственной ему учтивостью произнес:

– Позвольте мне сопровождать вас.

Амелия обернулась, помедлив в дверях.

– Благодарю за заботу, – сказала она, – но в этом нет необходимости.

По его лицу было видно, что он охотно ухватился бы за предложенный ею выход, но, очевидно, Уиндем чувствовал себя виноватым за пренебрежение к ней, потому что коротко обронил:

– Конечно же, есть. – И не успела она оглянуться, как он подхватил ее под руку и они чинно двинулись к выходу.

Амелия покосилась на него. Он смотрел прямо перед собой, решительно выдвинув вперед челюсть.

С Грейс он вел себя совсем иначе.

Амелия подавила вздох. Если она издаст хоть звук, он повернет голову и посмотрит на нее в свойственной ему манере – пронизывающей и холодной. Право, ее жизнь была бы значительно проще, если бы его глаза не были такими голубыми. А потом он спросит ее, в чем дело, конечно же, не интересуясь ответом, – она поймет это по его тону и почувствует себя только хуже и...

И что? Разве ей не все равно?

Герцог слегка замедлил шаг, и Амелия подняла на него глаза. Он смотрел через плечо назад, на замок.

На Грейс.

Внезапно Амелия ощутила дурноту.

На этот раз ей не удалось сдержать вздох. Очевидно, ей далеко не все равно.

Будь все это проклято.

День, как довольно равнодушно отметил Томас, был великолепный. На синем небе кудрявились белые облака, сочная трава тихо шелестела от порывов ветерка. Впереди виднелось несколько деревьев, оживлявших пологие холмы, которые понижались к берегу. Море находилось более чем в двух милях отсюда, но в такие дни, как сегодня, когда ветер дул с востока, в воздухе чувствовался легкий привкус соли. Это была первозданная природа, величественная и нетронутая, какой ее создал Бог или саксы, поселившиеся здесь сотни лет назад.

Стоя спиной к замку, можно было забыть о существовании цивилизации. Казалось, если просто идти вперед, можно идти и идти... пока не исчезнешь.

Томас задумался над такой заманчивой возможностью.

Но позади его наследственное гнездо. Огромное, впечатляющее и не слишком приветливое снаружи. Он вспомнил о своей бабке. Пожалуй, Белгрейв не слишком приветлив и изнутри тоже.

Но Томас любил свой дом, пусть даже к нему прилагался солидный груз ответственности. Замок Белгрейв был в его костях, в его душе. И как ни заманчиво казалось порой все бросить, он знал, что никогда его не покинет.

Впрочем, в его жизни имелись и другие обязательства, и самое неотложное из них находилось сейчас рядом.

Томас внутренне вздохнул, позволив себе лишь слегка закатить глаза. Пожалуй, ему надо было проявить больше внимания к леди Амелии, когда он увидел ее в гостиной. Проклятие! Наверное, ему следовало поговорить с ней, прежде чем обращаться к Грейс. Собственно, он знал, что так и следует поступить, но сцена с портретом была такой комичной, что ему было просто необходимо поделиться с кем-нибудь, а леди Амелия для этого явно не годилась.

И все же он поцеловал ее прошлым вечером, и хотя имел на это полное право, Томас полагал, что это обязывает его к некоторой галантности.

– Надеюсь, ваше путешествие домой вчера вечером обошлось без происшествий, – сказал он, решив, что такое начало разговора не хуже любого другого.

Ее взгляд был прикован к деревьям, видневшимся впереди.

– Да, на нас не нападали разбойники, – подтвердила она.

Томас бросил на нее взгляд, уловив в ее голосе иронию, но ее лицо оставалось невозмутимым.

Она перехватила его взгляд и добавила:

– Благодарю вас за заботу.

Томас не мог не задуматься, не подшучивает ли она над ним.

– Чудная погода, – заметил он. Почему-то ему хотелось поддеть ее, хотя он и не знал почему.

– Да, очень приятная, – согласилась она.

– Чувствуете себя лучше?

– С прошлого вечера? – Она удивленно моргнула.

Томас слегка улыбнулся, глядя на ее раздумывавшиеся щеки.

– С того момента как мы вышли на воздух, но вчерашний вечер тоже подойдет.

Приятно сознавать, что он еще знает, как вогнать женщину в краску.

– Мне гораздо лучше, – заявила она, придерживая рукой волосы, которые трепал ветер. Одна прядь коснулась ее губ, и Томас нашел это чрезвычайно раздражающим. Как только женщины это терпят?

– В гостиной было душно, – добавила она.

– О да, – промолвил он. – Она несколько тесновата.

Гостиная могла вместить сорок человек.

– Я имела в виду атмосферу, – возразила она.

Томас улыбнулся про себя.

– Я не имел понятия, что вам так неудобно в обществе собственной сестры.

До сих пор Амелия адресовала свои уколы деревьям, видневшимся впереди, но при этих словах резко повернула голову в его сторону.

– Я говорила не о своей сестре.

– Я догадался, – отозвался он.

Она еще больше покраснела, и Томас пытался решить, что являлось тому причиной: гнев или смущение. Скорее всего и то и другое.

– Почему вы здесь? – требовательно спросила она.

Он на мгновение задумался.

– Вообще-то я здесь живу.

– Я имею в виду, со мной, – уточнила она сквозь зубы.

– Если я не ошибаюсь, вы моя будущая жена.

Амелия остановилась и посмотрела на него в упор.

– Я вам не нравлюсь.

Она не казалась особенно опечаленной этим фактом, скорее раздосадованной, что само по себе было любопытно.

– Это неправда, – возразил он, не погрешив против истины. Есть огромная разница между нелюбовью и невниманием.

– Правда, – настаивала она.

– С чего вы взяли?

– А что я должна думать?

Он устремил на нее страстный взгляд.

– Мне кажется, я продемонстрировал свои чувства прошлым вечером.

Она ничего не сказала, но ее тело напряглось, а лицо приняло такое сосредоточенное выражение, что он почти слышал, как она считает до десяти, прежде чем процедить:

– Для вас это обязанность.

– Возможно, – согласился он, – но приятная.

Она очаровательно нахмурилась, усиленно размышляя. Томас не имел понятия, о чем она думает, уверенный, что только дурак или лжец может утверждать, что умеет читать женские мысли. Но он обнаружил, что ему нравится наблюдать, как меняется выражение ее лица, когда она пытается определить, как ей себя вести с ним.

– Вы когда-нибудь думаете обо мне? – наконец спросила она.

Это был типично женский вопрос. Томас решил, что он должен защитить всю мужскую половину человечества, и не моргнув глазом ответил:

– Да, сейчас.

– Вы прекрасно поняли, что я имела в виду.

Он подумывал о том, чтобы солгать. Наверное, это был бы добрый поступок. Но недавно Томас обнаружил, что особа, на которой он собирается жениться, гораздо умнее, чем казалась, и сомневался, что ее удовлетворят банальности. Поэтому он сказал правду.

– Нет.

Она моргнула несколько раз подряд. Определенно это было не то, чего она ожидала.

– Нет? – повторила она.

– Считайте это комплиментом, – заявил он. – Я бы солгал, если бы думал о вас хуже.

– Если бы вы думали обо мне лучше, я бы не задавала вам подобных вопросов.

Томас почувствовал, что его терпение на исходе. Ведь он здесь, не так ли? Сопровождает ее на прогулке, когда он предпочел бы...

Любое другое занятие! Честно говоря, у него полно неотложных дел, и если он не испытывает особого желания заняться ими, это не значит, что они не требуют его внимания.

Если она считает себя его единственной заботой, то напрасно. Неужели она думает, что у него есть время празднично сидеть, сочиняя стихи женщине, которую он даже не выбирал себе в жены? Ради Бога, ее навязали ему! Еще в колыбели.

Он повернулся к ней лицом, устремив на нее пристальный взгляд.

– Хорошо. Чего вы ожидаете от меня, леди Амелия?

Смущенная столь прямой постановкой вопроса, она залепетала что-то невразумительное. Томас сомневался, что она сама понимает, что говорит. Милостивый Боже, у него нет времени на подобную чепуху. Он не выспался ночью, поведение его бабки стало еще более несносным, чем обычно, а теперь его нареченная невеста, никогда не сказавшая ни слова, помимо обычной светской болтовни о погоде, вдруг повела себя так, словно у него есть перед ней обязательства.

Да, есть – брачные, разумеется. Он собирался полностью их исполнить, но, прости Господи, не сегодня утром.

Томас потер лоб большим и средним пальцами. У него начала болеть голова.

– Вы хорошо себя чувствуете? – поинтересовалась Амелия.

– Прекрасно, – огрызнулся он.

– Видимо, так же как я в гостиной, – пробормотала она себе под нос.

Право, это уже слишком. Томас вскинул голову, пронзив ее взглядом.

– Может, мне поцеловать вас снова?

Амелия промолчала. Но ее глаза округлились.

Он перевел глаза на ее губы и промолвил:

– Похоже, это единственное, в чем наши мнения совпадают.

Она хранила молчание, и он решил принять его за согласие.

Глава 5

– Нет! – воскликнула Амелия, отскочив назад.

И не будь она столь возмущена его внезапным переходом к флирту, она получила бы огромное удовольствие от его негодования, когда он неловко шагнул вперед, не найдя губами ничего, кроме воздуха.

– Вот как? – протянул он, обретя равновесие.

– Вам даже не хочется целовать меня, – произнесла она обвиняющим тоном, на всякий случай отступив назад, поскольку на его лице появилось угрожающее выражение.

– Ну конечно, – обронил он, блеснув глазами. – Это так же верно, как то, что вы мне не нравитесь.

Ее сердце упало.

– Правда?

– По вашим словам, – указал он.

Лицо Амелии вспыхнуло – единственно возможная реакция, когда тебе бросают в лицо твои собственные слова.

– Я не хотела, чтобы вы целовали меня, – сказала она, словно оправдываясь.

– Вы уверены? – осведомился он, оказавшись вдруг совсем рядом, хотя Амелия не заметила, как он это проделал.

– Да, – ответила она, стараясь сохранить спокойствие. – Уверена, потому что... – Она запнулась, не в состоянии рационально мыслить в таком положении.

И тут ее озарило.

– Да, – снова сказала она. – Потому что этого не хотели вы.

Он замер на мгновение.

– Вы считаете, что я не хотел целовать вас?

– Я знаю, что вы не хотели, – заявила Амелия. Это был самый храбрый поступок в ее жизни, потому что в этот момент Томас выглядел герцогом до кончиков ногтей.

Прямой, гордый, разгневанный, со взлохмаченными ветром волосами, он казался таким красивым, что у нее перехватывало дыхание.

И, по правде говоря, она была совсем не против поцеловать его. При условии, что он тоже этого хочет.

– Мне кажется, вы слишком много думаете, – заметил он после долгой паузы.

Амелия не нашлась с ответом, однако и не стала увеличивать расстояние между ними.

Чем он тут же воспользовался.

– Мне очень хочется поцеловать вас, – сказал он, шагнув вперед. – Собственно, это единственное, чем я хотел бы заняться с вами в данный момент.

– Нет, – возразила она, слегка попятившись. – Вам так только кажется.

Он рассмеялся, что было бы оскорбительно, не будь она так сосредоточена на том, чтобы сохранить достоинство и гордость.

– Просто вы считаете, что можете управлять мною таким способом, – сказала Амелия, опустив глаза, чтобы убедиться, что она не наступит на мышиную нору, если отступит еще на шаг. – Вы думаете, что, если очаруете меня, я превращусь в недалекую бесхребетную особу, неспособную ни на что, кроме как подписываться вашим именем.

У него был такой вид, словно он готов снова рассмеяться, хотя на этот раз, возможно, вместе с ней, а не над ней.

– Вы так думаете? – поинтересовался он, улыбнувшись.

– Я думаю, что это вы так думаете.

Уголок его рта приподнялся, придав его лицу обаятельный, мальчишеский вид, совершенно на него непохожий, по крайней мере непохожий на мужчину, которого она привыкла видеть.

– Пожалуй, вы правы.

Амелия так опешила, что ее челюсть отвисла.

– Вы так считаете?

– Да. Вы гораздо умнее, чем кажется, – сказал он.

Если это был комплимент, то сомнительный.

– Но, – добавил он, – это не меняет существа текущего момента.

Существа? Заметив ее удивление, он пожал плечами.

– Я по-прежнему собираюсь поцеловать вас.

Сердце Амелии оглушительно забилося, а ее ступни – маленькие предательницы – приросли к месту.

– Дело в том, – вкрадчиво произнес он, потянувшись вперед и взяв ее руку, – что, хотя вы совершенно правы: я с удовольствием превратил бы вас в бесхребетную, как вы очаровательно выразились, особу, смысл жизни которой соглашаться с каждым моим словом, – я с удивлением открыл для себя одну довольно очевидную истину.

Ее губы приоткрылись.

– Мне хочется поцеловать вас.

Он потянул ее за руку, приблизив к себе.

– Очень.

Амелия хотела спросить почему, но передумала, уверенная, что услышит в ответ что-нибудь такое, от чего остатки ее решимости только растают. Но ей хотелось сделать что-нибудь... Она не представляла что. Все, что угодно, лишь бы убедить их обоих, что она еще не совсем лишилась разума.

– Считайте это удачей, – мягко произнес он. – Или внутренним озарением. Но по какой-то причине я хочу поцеловать вас... что само по себе приятно. – Он поднес ее руку к своим губам. – Вы согласны?

Она кивнула. Она не могла заставить себя солгать, как бы ей этого ни хотелось.

Его глаза, казалось, потемнели от лазоревого до сумеречного оттенка.

– Очень рад, – промолвил он, приподнял ее подбородок и приник к ее губам в поцелуе, вначале нежном, заставив ее приоткрыть губы, а затем завладел ее ртом, лишив ее воли и всякой способности формулировать мысли, не считая одной...

Она никогда не испытывала ничего подобного.

Это было единственной разумной мыслью, возникшей в ее голове. Она утонула в море ощущений, охваченная потребностью, которую она едва понимала, чувствуя, что изменилось что-то.

Каковы бы ни были его цели и намерения, его поцелуй был не таким, как в прошлый раз.

И она не могла противиться ему.

Томас не собирался целовать ее, во всяком случае, не тогда, когда счел себя обязанным сопровождать ее на прогулке, и не тогда, когда они двинулись вниз по склону холма, и, разумеется, не тогда, когда шутливо предложил: «Может, мне поцеловать вас?»

Но тут она произнесла свою маленькую речь про бесхребетность и выглядела при этом такой неожиданно привлекательной, придерживая выбившиеся из прически волосы и глядя на него свысока, – ну если не совсем свысока, то по крайней мере отстаивая свою точку зрения с отвагой, на которую не осмеливался никто из его собеседников. За исключением, пожалуй, Грейс, но и та знала меру.

Именно в этот момент он заметил ее белую кожу с россыпью восхитительных веснушек, глаза, не совсем зеленые, но и не карие, светящиеся умом и страстью, и губы, в особенности ее губы: полные, мягкие и слегка подрагивающие, что можно было заметить, только пристально вглядываясь.

Это он и делал, не в состоянии отвести взгляд.

Как ему удавалось не замечать этого раньше? Она всегда была рядом, почти столько же, сколько он себя помнил.

А затем – дьявол знает почему – ему захотелось ее поцеловать. Не управлять ею, не подчинить ее, хотя он не возражал бы против того и другого в качестве дополнительного бонуса, а просто поцеловать. Ему захотелось ощутить ее в своих объятиях и впитать все, что было у нее внутри и что делало ее... такой, и, возможно, узнать, какая она на самом деле.

Но через пять минут, если Томас и узнал что-то, то не смог бы выразить это словами, ибо, начав целовать ее – по-настоящему, как мужчина мечтает целовать женщину, – он перестал связно мыслить.

Он не представлял, почему вдруг возжелал ее так, что закружилась голова. Возможно, потому, что она принадлежала ему и он знал это, а возможно, все дело в том, что мужчины – примитивные собственники. А может, потому, что ему нравилось, когда она лишалась дара речи, даже если он сам чувствовал себя таким же потрясенным.

Как бы то ни было, но как только его губы раздвинули ее губы и его язык скользнул внутрь, мир вокруг стремительно закружился и исчез, не оставив ничего, кроме нее.

Его руки нашли ее плечи, затем спину и скользнули вниз. Он застонал, обхватив ладонями ее ягодицы и тесно прижав ее к себе. Это было безумие: они находились в поле средь бела дня, а ему хотелось овладеть ею здесь и сейчас, задрать ее юбки, повалить в траву и заняться любовью, а потом сделать это снова.

Он целовал ее с безумной страстью, которая бушевала в его крови, а его руки блуждали по ее одежде, отыскивая застёжки, кнопки, завязки – все, что открыло бы ему доступ к ее коже. Лишь когда его пальцы расстегнули две пуговицы на ее спине, к нему вернулись остатки рассудка. Томас не знал, что заставило его опомниться: возможно, ее стон, низкий, чувственный и совершенно неподходящий для невинной девственницы, вернее, его реакция на этот звук – мгновенная, опаляющая и наполненная образами Амелии, обнаженной и вытворяющей вещи, о которых она, вероятно, даже не подозревала.

Неохотно, но решительно отстранившись, Томас втянул в грудь воздух, затем прерывисто выдохнул, пытаясь успокоить бешеный стук сердца. На его языке вертелись слова извинения, и он честно собирался произнести их, как и полагалось джентльмену, но когда он поднял глаза и посмотрел на ее лицо, с приоткрытыми влажными губами и широко распахнутыми затуманенными глазами, которые казались более зелеными, чем раньше, его губы сказали совсем другое, игнорируя приказы мозга:

– Это был сюрприз.

Она моргнула.

– Приятный, – добавил он, довольный, что его голос звучит более спокойно, чем он себя чувствовал.

– Меня никогда не целовали, – сообщила Амелия.

Томас улыбнулся, немного забавляясь.

– Вообще-то я целовал вас вчера вечером.

– Нет так, – шепнула она, словно бы про себя.

Его тело, начавшее успокаиваться, снова воспламенилось.

– Что ж, – сказала она все с тем же потрясенным видом. – Полагаю, теперь вам придется жениться на мне.

Услышь он такое от любой другой женщины... черт, после любого другого поцелуя, Томас не испытал бы ничего, кроме раздражения. Но что-то в голосе Амелии, в ее лице, все еще хранившем довольно милое озадаченное выражение, вызвало диаметрально противоположную реакцию. Он рассмеялся.

– Что вас так рассмешило? – требовательно спросила она. Впрочем, она была слишком сбита с толку, чтобы что-то требовать.

– Не имею понятия, – честно ответил он. – Повернитесь, я застегну пуговицы.

Амелия ахнула, схватившись за шею, и Томас усомнился, едва ли она вообще заметила, что он расстегнул ее платье сзади. Некоторое время он не без удовольствия наблюдал за ее тщетными попытками застегнуть пуговицы, затем сжалился и нежно отвел ее пальцы в сторону.

– Позвольте мне, – промолвил он.

Как будто у нее был выбор.

Он не спешил, вопреки доводам рассудка, твердившего: чем быстрее он застегнет платье, тем лучше. Но его заворожил вид ее бархатистой кожи и золотых пряжей, падавших на ее шею сзади и трепетавших от его дыхания. Не в силах устоять перед соблазном, он склонил голову и поцеловал ее в шею.

Она откликнулась тихим стоном.

– Пожалуй, нам лучше вернуться, – грубовато сказал Томас, отступив на шаг. Но тут он сообразил, что не застегнул последнюю пуговицу на ее платье, и выругался себе под нос. Было бы опрометчиво снова касаться ее, но он не мог допустить, чтобы она вернулась в дом в таком виде. Поэтому ему ничего не оставалось, как только довести дело до конца со всей решимостью, на которую был способен.

– Готово, – буркнул он.

Амелия повернулась, глядя на него с таким настороженным видом, что он почувствовал себя соблазнителем невинных девушек.

Удивительно, но его это несколько не огорчило. Он предложил ей руку.

– Проводить вас назад?

Она кивнула, и Томас внезапно ощутил очень странную и настойчивую потребность... знать, о чем она думает.

Забавно. Его никогда не интересовало, что думают другие.

Но он не стал спрашивать. Он никогда этого не делал, и потом, какая в этом надобность? Рано или поздно они поженятся, и не важно, что они думают, не так ли?

Амелия никогда не предполагала, что румянец смущения может оставаться на щеках в течение целого часа, но, очевидно, ее щеки все еще горели, поскольку, когда вдовствующая герцогиня встретила ее в холле приблизительно через час после того, как она присоединилась к Элизабет и Грейс в гостиной, ей хватило одного взгляда на лицо Амелии, чтобы ее собственное лицо буквально побагровело от ярости.

И теперь она стояла, вынужденная молчать, пока герцогиня изливала на нее свое негодование, повысив голос до впечатляющего крещендо:

– Черт бы побрал эти чертовы веснушки!

Амелия вздрогнула. Леди Августа и раньше бранила ее за веснушки, хотя их число никогда и не превышало десятка, но впервые ее гнев перешел в богохульство.

– У меня не появилось ни одной новой веснушки, – возразила Амелия, удивляясь, как Уиндему удалось избежать этой сцены. Он исчез, как только проводил ее, с пламенеющими щеками, в гостиную, оставив на растерзание своей бабки, которая любила солнце не больше, чем летучая мышь.

Впрочем, в этом была своеобразная справедливость, поскольку Амелия испытывала к вдовствующей герцогине не больше симпатии, чем к летучей мыши.

Леди Августа отпрянула, пораженная ее репликой.

– Что ты сказала?

Амелия не испугалась и не удивилась ее реакции. Никогда раньше она не возражала герцогине. Но похоже, в последние дни Амелия перевернула новую страницу в своей жизни, предполагавшую если не нахальство, то некоторую дерзость и упрямство. Поэтому она твердо повторила:

– У меня не появилось новых веснушек. Я пересчитала их перед зеркалом.

Это была ложь, но она доставила Амелии истинное удовольствие.

Рот леди Августы сжался в узкую линию, как у рыбы. В течение десяти секунд она сверлила Амелию свирепым взглядом, что было на девять секунд дольше, чем требовалось ранее, чтобы заставить Амелию очень сильно смутиться, и затем рывкнула:

– Мисс Эверсли!

Грейс буквально выскочила из гостиной, благо дверь, ведущая в холл, была распахнута.

Но вдовствующая герцогиня, казалось, не заметила ее появления, продолжив свою громогласную тираду:

– Неужели никому нет дела до нашего имени? До нашего рода? Бог свидетель, я единственная в этом проклятом мире, кто понимает всю важность... все значение...

Амелия в ужасе смотрела на нее. На мгновение ей даже показалось, что леди Августа сейчас заплачет. Это было невозможно. Амелия была уверена, что вдовствующая герцогиня биологически не способна на слезы.

Грейс шагнула вперед и обняла вдовствующую герцогиню за плечи, поразив всех.

– Мэм, – успокаивающе произнесла она, – у вас был трудный день.

– Ничего подобного, – огрызнулась герцогиня. – Он был каким угодно, но только не трудным.

– Мэм, – снова сказала Грейс, и Амелия опять восхитилась ее ласковым спокойным тоном.

– Оставь меня в покое! – рывкнула герцогиня. – Мне надо думать о династии. А ты никто и ничто!

Грейс отпрянула. Амелия видела, как она судорожно сглотнула, но не могла сказать, что это – близость слез или признак ярости.

– Грейс? – осторожно сказала она, даже не зная, о чем спрашивает, но чувствуя, что она должна что-то сказать.

В ответ Грейс лишь покачала головой, что, видимо, означало «не спрашивай», оставив Амелию гадать, что же могло случиться прошлым вечером. Потому что никто не вел себя нормально: ни Грейс, ни вдовствующая герцогиня, ни определенно Уиндем.

Не считая его исчезновения со сцены. Это по крайней мере было вполне предсказуемо.

– Надо проводить леди Амелию и ее сестру в Берджес-Парк, – объявила леди Августа. – Мисс Эверсли, распорядитесь, чтобы подали карету. Мы поедем с нашими гостями, а потом вернемся в собственном экипаже.

Губы Грейс удивленно приоткрылись: но она привыкла к вдовствующей герцогине, к ее вспышкам ярости и причудам. Грейс кивнула и поспешила выполнить поручение.

– Элизабет! – в отчаянии воскликнула Амелия, заметив сестру, показавшуюся из гостиной. Предательница уже развернулась и попыталась вернуться назад, оставив ее наедине с леди Августой. Амелия поймала ее за локоть, процедив сквозь зубы: – Дорогая сестричка.

– Я не допила чай, – жалобно сказала та, махнув в сторону гостиной.

– Он остыл, – отрезала Амелия.

Элизабет попыталась улыбнуться вдовствующей герцогине, но выражение ее лица скорее походило на гримасу.

– Сара, – обратилась к ней вдовствующая герцогиня.

Элизабет не стала поправлять ее.

– Или Джейн? – уточнила леди Августа, свирепо поблескивая глазами. – Которая из них?

– Элизабет, – подсказала Элизабет.

Глаза леди Августы сузились, словно она не совсем поверила ей, а ноздри раздулись самым непривлекательным образом.

– Вижу, ты опять приехала со своей сестрой.

– Это она приехала со мной, – возразила Элизабет. Насколько Амелия знала, это был первый случай, когда она решилась возразить вдовствующей герцогине.

– И что это должно означать?

– Просто... я приехала, чтобы вернуть книги, которые моя мать одолжила в вашей библиотеке, – объяснила Элизабет запинаясь.

– Ба! Всем известно, что твоя мать ничего не читает. Это глупый и прозрачный предлог, чтобы подослать ее, – она сделала жест в сторону Амелии, – к нам в дом.

От удивления рот Амелии приоткрылся. Она всегда считала, что вдовствующая герцогиня хочет видеть ее в своем доме. Не потому, что она нравится ей, просто герцогине хотелось, чтобы она побыстрее вышла замуж за ее внука и чтобы в ее животе начал расти маленький Уиндем.

– Что ж, это вполне приемлемый предлог, – проворчала леди Августа, – но, похоже, он не сработал. Где мой внук?

– Не знаю, ваша светлость, – ответила Амелия совершенно искренне. Уиндем не сообщил ей о своих планах, прежде чем покинуть после того, как чуть не лишил ее рассудка своими поцелуями.

– Глупая девчонка, – пробормотала герцогиня. – У меня нет времени на подобную чепуху. Неужели никто из вас не сознает своего долга? У меня наследники умирают один за другим, а ты, – для пущей убедительности она ткнула Амелию в плечо, – даже не можешь задрать свои юбки и...

– Ваша светлость! – воскликнула шокированная Амелия.

Леди Августа захлопнула рот, и на мгновение Амелии показалось, что она поняла, что зашла слишком далеко. Но герцогиня только злобно прищурилась и двинулась прочь.

– Амелия? – сказала Элизабет, подойдя к ней.

Амелия моргнула несколько раз подряд.

– Я хочу домой.

Элизабет успокаивающе кивнула.

Вместе они направились к парадной двери. Грейс давала указания лакею, поэтому они вышли наружу, чтобы подождать ее у подъездной аллеи. На улице похолодало, но Амелия не возражала бы, если бы небеса разверзлись и вымочили их обеих, лишь бы оказаться подальше от этого дома.

– Больше я сюда не приеду, – сказала она сестре, обхватив себя руками. Если Уиндем пожелал наконец ухаживать за ней, пусть сам приезжает с визитом.

– Я тоже, – отозвалась Элизабет, бросив озабоченный взгляд на дом, откуда в этот момент вышла Грейс. Подождав, пока она спустится по ступенькам, Элизабет взяла ее под руку и спросила: – У меня разыгралось воображение, или леди Августа стала еще вреднее, чем раньше?

– Намного вреднее, – согласилась Амелия.

Грейс вздохнула, и по ее лицу пробежала тень, словно она пыталась подобрать слова лучше, чем те, какие пришли ей на ум.

– Все... не так просто, – сказала она наконец.

С этим трудно было не согласиться, поэтому Амелия с любопытством наблюдала, как Грейс делает вид, будто поправляет свою шляпку, и тут...

Грейс замерла.

Проследив за ее взглядом, они увидели в конце подъездной аллеи мужчину. Он был слишком далеко, чтобы разглядеть что-либо, кроме его темных волос и того факта, что он сидел на лошади так, будто родился в седле.

Время словно остановилось, пока они смотрели на него, а затем без всяких видимых причин он развернулся и уехал.

Амелия открыла рот, собираясь спросить у Грейс, кто это был, но в этот момент появилась леди Августа и рявкнула:

– Садитесь в карету!

И поскольку Амелия не имела ни малейшего желания вступить с ней в дискуссию, она молча последовала приказу.

Через несколько мгновений все разместились в карете Кроулендов. Грейс и Элизабет на переднем сиденье спиной к движению, а Амелия села рядом с вдовствующей герцогиней, лицом к движению. Она устремила взгляд прямо перед собой, сфокусировав его на точке за ухом Грейс. Если бы ей удалось просидеть в этой позе следующие полчаса, она избежала бы необходимости смотреть на герцогиню.

– Кто это был? – спросила Элизабет.

Никто не ответил.

Заинтригованная, Амелия перевела взгляд на лицо Грейс, которая сделала вид, будто не слышала вопроса Элизабет. Но от внимания Амелии не ускользнуло, что уголок ее рта озабоченно напрягся.

– Грейс? – снова спросила Элизабет. – Кто это был?

– Никто, – быстро сказала Грейс. – Можно ехать?

– Значит, ты его знаешь? – не отставала Элизабет. Амелия готова была придушить ее. Конечно, Грейс знает его. Это ясно как день.

– Нет, – резко отозвалась Грейс.

– О чем вы говорите? – поинтересовалась вдовствующая герцогиня с раздраженным видом.

– О мужчине в конце подъездной аллеи, – объяснила Элизабет. Амелии отчаянно хотелось пнуть ее ногой, но та сидела напротив герцогини и была совершенно недостижима.

– Кто это был? – требовательно спросила герцогиня.

– Не знаю, – ответила Грейс. – Я не видела его лица.

Это было правдой, хотя и отчасти. Мужчина находился слишком далеко, чтобы разглядеть его лицо, но Амелия готова была поспорить на свое приданое, что Грейс точно знала, кто это был.

– Кто это был? – Герцогиня повысила голос, перекрывая шум колес, кативших по гравийной дороге.

– Не знаю, – повторила Грейс, но ее голос дрогнул.

Леди Августа повернулась к Амелии, ее взгляд был таким же колючим, как тон.

– Ты его видела?

Амелия посмотрела на Грейс. Что-то явно происходило.

– Я никого не видела, мэм.

Герцогиня фыркнула и повернулась к Грейс, обрушив на нее всю свою ярость.

– Это был он?

Амелия резко втянула в грудь воздух. О ком они говорят?

Грейс покачала головой.

– Не знаю, – произнесла она запинаясь. – Он был слишком далеко, чтобы сказать с уверенностью.

– Остановите карету, – рявкнула герцогиня, перегнувшись вперед и отодвинув Грейс в сторону, чтобы постучать в стенку, отделявшую их от кучера. – Остановите, говорят вам!

Карета резко остановилась, и Амелия, сидевшая лицом к движению, повалилась вперед, к ногам Грейс. Она попыталась подняться, но герцогиня потянулась к Грейс и схватила ее за подбородок.

– Я дам вам еще один шанс ответить, мисс Эверсли, – прошипела она. – Это был он?

Амелия затаила дыхание.

Грейс не шевелилась, затем едва заметно кивнула.

И герцогиня впала в бешенство.

Не успела Амелия снова занять свое место, как ей пришлось пригнуться, чтобы не быть обезглавленной тростью вдовствующей герцогини.

– Поворачивайте назад! – рявкнула та. Карета медленно развернулась и двинулась в обратном направлении под крики герцогини: – Быстрее! Быстрее!

Не прошло и минуты, как они снова оказались перед замком Белгрейв. Амелия в ужасе смотрела, как герцогиня буквально вытолкала Грейс из кареты. Они с Элизабет привстали, пораженные прытью, с которой герцогиня последовала за своей компаньонкой.

– Кажется, Грейс хромает? – спросила Элизабет.

– Я... – Амелия собиралась сказать, что она не знает, но герцогиня прервала ее на полуслове, захлопнув дверцу кареты без лишних слов.

– Что произошло? – поинтересовалась Элизабет, когда карета снова тронулась по направлению к их дому.

– Не имею понятия, – прошептала Амелия, повернувшись и глядя на замок, оставшийся позади. – Ни малейшего.

Глава 6

В тот же день позже Томас сидел в своем кабинете и размышлял о довольно соблазнительных изгибах тела своей невесты, делая вид, что просматривает бумаги, которые секретарь дал ему на подпись. Это было весьма приятное занятие, и он охотно продолжил бы в том же духе, если бы не суматоха, поднявшаяся в холле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.